Рыбаков Анатолий
КАНИКУЛЫ КРОША

Мальчик пристально вглядывается в даль. Что видят его глаза? Таинственные образы проносятся в детских мечтах, подобно песням птиц. Но что мы сделали для того, чтобы королевство фантазии стало рядом с нами навсегда?

Нэцкэ — мальчик с книгой

1

Я опишу события, происшедшие в нашем доме. События, происшедшие вне нашего дома, я тоже опишу.

Писать я буду от первого лица. Так это называется в литературе. Вместо «он» говорить «я». Не «он пошел», а «я пошел», не «ему надавали по шее», а «мне надавали по шее».

Мою книгу отредактируют — пусть, мол, читатель думает, что ее написал настоящий писатель. Если этого не делать, то одни книги будут читать, а другие — нет. А если отредактировано, то читают всех подряд и никому не обидно.

В моей книге будет несколько героев.

Все они живут в нашем доме. Я хорошо знаю жильцов нашего дома — в нем прошла моя сознательная жизнь. С десяти лет. Теперь мне шестнадцать. Только Костя живет на другой улице. Немного таинственный тип. Пройдет по двору со своим чемоданчиком, и все. А в чемодане боксерские перчатки. Костя — боксер, черненький, худенький паренек.

Я познакомился с Костей, когда Веэн и Игорь были как раз во дворе. И я тоже был как раз во дворе. Смотрел, как Веэн обтирает свою «Волгу». Игорь ощупывал свой подбородок и тоже смотрел, как Веэн обтирает машину. Перед этим Игорь получил в подбородок и теперь, заботясь о своей внешности, его ощупывал. За что и от кого получил, я расскажу потом.

Веэн показал на запасное колесо:

— Подымем?!

Игорь был занят подбородком. Я помог поднять колесо и затянул гайку на держателе.

— Почему тебя зовут Крош? — спросил Веэн.

Мне опять, в который раз, пришлось объяснить, что меня зовут Сергеем, а Крош — это прозвище, сокращенное от моей фамилии Крашенинников. В школе всегда сокращают фамилии, тем более такую длинную, как моя. Вот и получилось «Крош».

Объясняя это Веэну, я подумал, что он, наверно, не читал повести «Приключения Кроша» — там об этом подробно рассказано.

Тут появился Костя, и мы познакомились.

— Прокатимся? — спросил меня Веэн.

— С удовольствием.

— Где Нора? — спросил Веэн.

— Вот она идет, — ответил Игорь, массируя подбородок.

Нора в черных ажурных чулках. На эти черные чулки мне противно смотреть. И голос у нее хриплый от курения.

Игорь кивнул на меня:

— Крош тоже поедет.

— Тебе жалко? — спросил я.

— Разве я что-нибудь сказал? Нора, я что-нибудь сказал?

Нора пожала плечами.

Нора и Игорь ушли из десятого класса будто бы для того, чтобы заработать производственный стаж. На самом деле им лень учиться. Нора расхаживает в черных чулках, а Игорь околачивается на «Мосфильме», снимается в массовках, только ему это за производственный стаж все равно не зачтут.

Мы мчались по Садовому кольцу. Из троллейбусов на нас смотрели пассажиры. Веэн похож на молодого профессора: виски с проседью, белая рубашка с закатанными рукавами, узкие брюки, черные туфли. Нора сидела рядом с ним как герцогиня. У Кости бесстрастное лицо боксера, который не жмурится, когда его лупят по морде. Игорь трепался, будто брат собирается подарить ему своего «Москвича». Я просто ехал.

Веэн искусствовед. Я терпеть не могу искусствоведов, они мешают слушать музыку, прерывают ее на самом интересном месте. И когда по радио человек чего-то там бормочет невнятным голосом, то невозможно ни читать, ни заниматься… «Фредерик вошел в гостиную и сказал… Лаура печально покачала головой… Ах, Фредерик…» Муть! Но Веэн искусствовед по изобразительному искусству, а это совсем другое дело: искусствоведы по изо не мешают слушать музыку. Кроме того, Веэн коллекционер, собирает предметы искусства. И хотя я с ним встречался только во дворе, он мне не казался яркой личностью. Игорь и Костя выполняли какие-то его поручения и напускали такую таинственность, что меня распирало от любопытства. Это была та сторона жизни, которую я еще не знал. Другие стороны жизни я знал хорошо, а эту еще слабо и хотел познакомиться.

Мы свернули с Садового кольца и остановились в переулке возле улицы Горького. Веэн обернулся и посмотрел на Костю и Игоря. Те, не говоря ни слова, вышли из машины. А мне Веэн улыбнулся. По его улыбка означала, что я должен остаться. Я остался.

Мы сидели молча: я, Веэн и Нора. Потом Веэн и Нора перебросились несколькими фразами. Поскольку они говорили тихо, я не стал прислушиваться.

В девятом классе за Норой ухаживал артист эстрады, скандал был на всю школу. Норина бабушка, заслуженная общественница, вызвала к себе бюро комсомольской организации; я был тогда членом бюро. Сначала мы не хотели идти, но потом пошли, приняв во внимание возраст бабушки и ее заслуги перед общественностью. Мы стояли перед бабушкой, как провинившиеся школьники. Нора сидела на диване, курила сигарету и стряхивала пепел в горшок с цветами. «Если кто сбивается с пути, — говорила бабушка, — то виноват коллектив — недосмотрели». Когда бабушка была молодая, было по-другому… А у нас слаба воспитательная работа, и мы недосмотрели за Норой.

Бабушка сказала, что родители Норы занятые люди, заслуженные артисты, и она, бабушка, тоже занятой человек — пишет мемуары о Станиславском и других выдающихся личностях. Мемуары эти имеют громадное значение для воспитания подрастающего поколения. И, не воспитывая Нору, мы мешаем ей воспитывать подрастающее поколение. Вот какой бенц старушка нам выдала!

Но еще больший бенц она выдала директору эстрады. Такой она ему выдала бенц, что бедного артиста эстрады услали на длительные гастроли в Ферганскую область.

Такая петрушка произошла с Норой этой зимой.

Вернулись Игорь и Костя. Ни слова не говоря, сели в машину. Веэн включил мотор. Снова по Садовому кольцу мы помчались обратно, домой.

Во дворе Веэн сказал:

— Зайдем к нам.

2

Портреты, портреты, портреты… Вельможи в кафтанах с кружевными жабо и кружевными манжетами, царские генералы в раззолоченных мундирах, дамы с высокими прическами, тетки в салопах и чепчиках, купцы в шубах, похожие на великого драматурга Островского, девочки с бантиками, мальчики в бархатных костюмчиках…

Тесно стояли шкафы, буфеты, конторки, секретеры, диваны, козетки, ломберные столики. На потолке люстры. Все это, как объяснил Веэн, старинное и ценное. На двух креслах даже натянуты веревочки, как это делается в музеях, чтобы на кресла не садились. Меня удивило, что Нора, Игорь и Костя уселись на таком ценном диване. Нора даже взобралась с ногами. Я думал, что этой мебелью пользоваться нельзя. Оказывается, можно. Нельзя сидеть только в креслах, перевязанных веревочкой, — они сломанные.

Нора курила. Игорь перебирал магнитофонные ленты, Костя перелистывал книгу. Здорово устроились, ничего не скажешь.

В застекленном шкафу стояли на полках крохотные фигурки из дерева, камня, фарфора. Это нэцкэ, японская миниатюрная скульптура, я видел их в Музее восточных культур.

— В моей коллекции есть уникальные экземпляры.

Сказав это, Веэн снял с полки несколько фигурок и поставил на стол. Они изображали крестьян, монахов, всадников, детей, маски, цветы, птиц, зверей, рыб.

Я бездарен в живописи. Нравится, не нравится — вот все, что я могу сказать. Но почему нравится или не нравится — сказать не могу. В натюрмортах, пейзажах, во всяких абстракциях я не разбираюсь совершенно. Мне нравятся картины, где изображены люди. Моя любимая картина в Третьяковке — это «Крестный ход» Репина. Помните мальчика с костылем? Сколько радости и надежды на его лице, как он весь устремлен вперед! Сейчас произойдет чудо, он выпрямит спину, бросит костыль и будет такой, как все… Вот это мне нравится! А как положены краски и как распределен свет — в этом я не разбираюсь.

Веэн взял в руки фигурку старика с высоким пучком волос на голове и длинной редкой бородой. Одной рукой старик придерживал полы халата, в другой сжимал свиток. Фигурка была величиной всего с мундштук, и все равно было ясно, что этот старик — мудрец. Что-то вечное было в его лице, в длинных морщинах, в худом, истощенном теле. Его высокий лоб, скошенные монгольские глаза выражали спокойную и мудрую проницательность. Много нужно затратить труда, чтобы вырезать из дерева такую крохотную и выразительную фигурку.

— Мудрец? — спросил я.

— Мудрец, — ответил Веэн, любуясь фигуркой. — Работа великого мастера Мивы-первого из города Эдо, восемнадцатый век, вишневое дерево. Для профана она ничто, но знаток ее оценит.

Мне стало немного не по себе — в сущности, я тоже профан.

— Искусство принадлежит тому, кто его любит, понимает и отстаивает, — продолжал Веэн. — Человек, сохранивший для нас «Слово о полку Игореве», сделал не меньше того, кто это «Слово» написал. Шлиман, открывший Микены, превосходит его создателей — они строили город, подчиняясь необходимости, он открыл его, ведомый любовью к искусству. Что было бы с русской живописью без братьев Третьяковых?

В ответ я напомнил слова Пушкина:

— «Чувства добрые я лирой пробуждал» — вот что главное.

— Что я говорила?! — злорадно произнесла Нора.

Эта реплика означала, что Нора предупреждала Веэна: я не подхожу для их компании. Это меня не удивило — мы с Норой терпеть не можем друг друга.

— Крош, ты баптист, — объявил Игорь.

— Но это сказал Пушкин!

— Пушкин жил сто лет назад. Каменный век.

— «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно», — сказала Нора.

— Задираемся? — неодобрительно заметил Веэн.

— Мы любим Кроша. Давай поцелуемся, Крош, — сказал Игорь.

— Не шурши! — предупредил я его.

— «Попроворней одевайтесь, смотрит солнышко в окно», — продолжала Нора — «В лесу раздавался топор дровосека…»

— Дружба не терпит подобных шуток, — сказал Веэн, — а без дружбы нет человека. Одиночку сокрушают, в коллективе человек нивелируется. Тройки, четверки, пятерки — вот кто покоряет мир.

— Три мушкетера… — сказал я.

— Ремарк! — сказал Веэн. — Но герои Дюма покоряли мир, герои Ремарка обороняются от него.

— «Три танкиста, три веселых друга», — громко пропел Игорь.

— «Чувства добрые…» — снова заговорил Веэн. — Самое доброе чувство — дружба. Есть только одна убежденность — в своем товарище, только одна вера — в прекрасные творения человека. Все проходит — идеи, взгляды, убеждения, а эта фигурка будет жить вечно. Ее держали в руках цари и полководцы, писатели и философы. Если бы время не стирало отпечатков пальцев, можно было бы но ней создать дактилоскопический альбом многих великих людей. Научись мы создавать скульптурные портреты людей по отпечаткам пальцев, они были бы точнее, чем создаваемые по черепу.

Черт возьми, может быть, эту фигурку держали в руках Наполеон или Бальзак, какой-нибудь микадо или братья Гонкур! Замечательная идея! Странно, что Веэн так буднично ее высказал, Нора и Игорь спокойно сидели на диване, Костя молча перелистывал журнал.

— Может быть, отпечатки пальцев все же остаются, — сказал я, — совсем крошечные, незаметные, но с помощью сверхмощного электронного микроскопа их со временем удастся обнаружить.

— Возможно, — согласился Веэн. — Но и без того старинная вещь рассказывает о многом. Собирать произведения искусства поучительно. Каждая фигурка — эпопея, ее розыски — тоже эпопея. Собирание — это гигантский труд и медные деньги. Впрочем, — Веэн как-то особенно посмотрел на меня, — мы живем в век новой алхимии, и медь иногда превращается в золото.

Я не совсем понял, что он хотел этим сказать.

— Собирательство — это соревнование, — продолжал Веэн. — Мы, собиратели, хорошо знаем друг друга и свои поиски держим в секрете.

На этот раз я понял, что он хотел сказать.

— Я не трепач.

— Я нуждаюсь в помощниках. Вот Костя помогает и Игорь. Хочешь, и ты будешь помогать?

— С удовольствием.

— Мир искусства обогатит тебя духовно, поможет стать культурным человеком. Ты хочешь стать культурным человеком?

— Хочу.

— На одну удачу приходится двадцать неудач. Но на мелкие расходы ты всегда заработаешь.

Наверно, я здорово покраснел. Получать деньги за помощь, за услугу!.. Но, с другой стороны, надоело обращаться к маме за каждым гривенником. И мне необходим магнитофон.

— У тебя не должно быть секретов от твоих родителей, — продолжал Веэн, — но и не обязательно им все рассказывать. Каждый имеет право на личную жизнь.

Логично. Ведь я не все рассказываю своим родителям, как и они мне, — каждый имеет право на личную жизнь.

— Мои родители не вмешиваются в мою личную жизнь, — сказал я.

3

Для меня дружба — дело естественное, я никогда не думал о тройках и пятерках. Конечно, большая компания чересчур громоздка — один хочет туда, другой сюда. Но вопрос в том, для чего тройки и пятерки? А в коллективе человек вовсе не нивелируется, коллектив — это моральная категория. Так надо было ответить: коллектив — моральная категория. Но, как всегда, умная мысль пришла мне в голову, когда спор уже был окончен.

Но я понимал также, что по этим словам нельзя судить о Веэне. Судить о человеке надо по всем его мыслям, во всяком случае, по главным мыслям. А главное в Веэне — это любовь к искусству. И, как всякий увлеченный человек, он несколько односторонен, считает, что предмет его увлечения — это главное.

К Норе тоже надо быть терпимее — женщина все-таки.

Что касается Игоря, то он трепло. Пушкин — каменный век, сказал тоже! У меня сердце щемит, когда я читаю Пушкина, слово даю! «Прими собранье пестрых глав, полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных… незрелых и увядших лет, ума холодных наблюдений и сердца горестных замет…» Кто еще мог так сказать? Только Пушкин!.. «Как часто в горестной разлуке, в моей блуждающей судьбе, Москва, я думал о тебе…» А?! «Блуждающей судьбе»…

Но Игорь не лишен чувства юмора, а чувство юмора — это главное, без юмора нет человека. После Пушкина самые мои любимые книги — это «Мертвые души», «Бравый солдат Швейк» и «Золотой теленок». Их я могу перечитывать и перечитывать. Чехова я тоже могу перечитывать и перечитывать — обхохочешься, честное слово! Но у Чехова рассказы, а я говорю о романах. Как-то мы играли в игру: какие десять романов вы взяли бы с собой на необитаемый остров? Я назвал «Войну и мир», «Мертвые души»,

«Красное и черное», «Бравого солдата Швейка», «Тихий Дон», «Золотого теленка», «Трех мушкетеров», «Утраченные иллюзии», «Боги жаждут» и «Кожаный чулок». Я бы еще назвал, но можно было только десять. А вот если бы меня спросили, чье собрание сочинений взял бы я с собой на необитаемый остров, я бы ответил — Пушкина! Собрание сочинений Александра Сергеевича Пушкина я бы взял с собой на необитаемый остров.

Больше всех понравился мне в этой компании Костя. За весь день он не проронил ни слова ни во дворе, ни в машине, ни на квартире у Веэна, а вот понравился больше всех. Чудесный парень, боксер, а не задается, не пользуется своей силой. Мне нравятся такие молчаливые ребята.

Есть люди, у которых все на виду, с ними просто и ясно. Но есть и другие — загадочные, они всегда занимают мое воображение. Бывает, что человек с виду загадочен, а при ближайшем рассмотрении оказывается дурак дураком. Но в данном случае этого не было. Было в Косте что-то таинственное, даже трагическое. Я чувствовал это, когда он проходил по двору с чемоданчиком в руке. И то, что он все время молчал, только укрепило это чувство.

Когда на следующий день мы с Костей отправились выполнять поручение Веэна, мне было приятно идти с ним по улице, сидеть рядом в вагоне метро. Все думают, что он обыкновенный худенький паренек, а он, боксер-перворазрядник, может так двинуть, что от человека останется одно воспоминание. В дверях вагона стояли какие-то нахалы, мешали входу-выходу, один даже задел Костю плечом. Я думал, Костя сейчас их раскидает, но он ничего, спокойно прошел мимо. Меня поразила его выдержка. Впрочем, в дверях могли стоять тоже боксеры-перворазрядники, а то и мастера спорта.

— В учебнике древней истории, — сказал я, — нарисованы всякие амфоры и вазы. Не думал, что мне придется этим заниматься.

Костя ничего не ответил. Сидел, несколько развалясь (привык в такой позе отдыхать между раундами), с бесстрастным выражением на медальном лице.

— Интересная мысль — создавать живой портрет по отпечаткам пальцев, — продолжал я. — У тебя нет книг по дактилоскопии?

— Долго?

— Что долго?

— Трепать языком будешь долго?

Мрачный тип! Не слишком большое удовольствие иметь с ним дело. Нет, уж пусть Веэн дает мне самостоятельные поручения. Сегодняшнее поручение выполню с Костей, а следующее — только самостоятельно.

Мы вышли из метро на Арбатской площади и пошли по Гоголевскому бульвару. Костя молчал, только изредка говорил: «Туда, сюда, сюда, туда».

Я остановился.

— Ты эти «туда-сюда» брось! Куда мы идем?

— На Сивцев Вражек, — процедил он сквозь зубы.

На Сивцевом Вражке он показал мне серый дом.

— Подымешься на третий этаж, квартира восемь, два звонка, Елена Сергеевна. Скажешь: от Владимира Николаевича. Передашь ей этот пакет, она тебе даст другой. Повтори.

— Повторение — мать учения, а кто отец?

Довольный тем, что поставил его в тупик, я положил пакет в карман и вошел в подъезд. Пакет был совсем крошечный, казалось, в нем лежит катушка с нитками. Но я

знал, что там нэцкэ.

Женщина с крашеными волосами и папиросой в зубах провела меня в комнату, плотно закрыла дверь, повернулась ко мне спиной, посмотрела, что в пакете, спрятала его в шкаф и передала мне другой пакет, тоже с нэцкэ. Потом проводила меня до двери и посмотрела, нет ли кого на лестнице. Все это, не вынимая папиросы изо рта.

— Теперь куда? — спросил я Костю, очутившись на улице.

— На Плющиху.

На Плющихе дверь мне открыл толстый молодой человек в очках. Челюсти его так и ходили взад-вперед. Я подумал, что он жует резинку, но он сделал глотательное движение, рыгнул, и я понял, что это не жевательная резинка. В комнату он со мной не заходил, взял пакет и захлопнул за мной дверь. И лестницу не осматривал: видно, не боялся конкурентов.

Я вернулся к Косте. Он сказал:

— Сейчас поедем в один дом. Разговаривать буду я, а ты слушай.

Я хотел ответить, что у меня нет охоты разговаривать ни с ним, ни с кем бы то ни было. Но ничего не сказал.

На Комсомольском проспекте нас встретил Игорь. Скосил глаза на Костю и сказал: «Все в порядке». Я не спросил, что именно в порядке, решил вообще ни о чем не спрашивать. Видно было, что Костя и Игорь не склонны разговаривать. Вообще-то Игорь болтун. Но сейчас они не были склонны разговаривать.

Игорь остался на улице. Мы с Костей вошли в большой двор нового дома.

В глубине стоял старенький деревянный флигель из тех, что остаются после сноса старых домов.

И комната, в которой мы очутились, тоже была старая. Потолок неестественно высок, занавески темные, тяжелые, вытертые, мебель изношенная, скучная. На всем лежала печать уныния, оскудения.

И хозяйка комнаты тоже была старая, тяжелая. Мне жаль толстых старух, они совсем беспомощны. В ее искательном взгляде было что-то унизительное, мне даже стало неудобно, будто я делал что-то нехорошее. А ничего плохого я не делал. И Костя не делал. Он рассматривал нэцкэ.

Фигурка изображала двух человечков, нищих музыкантов, со скуластыми монгольскими лицами, узкими щелочками глаз и приплюснутыми носами. Крохотная деревянная скульптура, размером со спичечную коробку, не больше. Музыканты шли сквозь дождь и ветер, их лохмотья развевались, желтые лица были опалены солнцем. У одного человечка рука лежала на крошечном барабане. По выражению их лиц, по растянутым ртам было видно, что они поют нечто жалобное, однообразное, привычное. Вечные скитания, вечные лишения… Ножки крохотные, голова большая, щеки отвислые, видна только одна рука, пропорции нарушены именно так, чтобы подчеркнуть их выразительность. Просто удивительно, как все это удалось передать на таком крохотном кусочке дерева.

— Сколько вы хотите за нее? — спросил Костя.

— Мне говорили, она стоит пятьдесят рублей, — нерешительно ответила старуха.

Я вытаращил глаза… Неужели эти фигурки ценятся так дорого?

Костя поставил фигурку на стол.

— Вам надо ее оценить.

— Мне трудно ездить в антикварный.

— Пошлите кого-нибудь.

— Мне некого послать… — Старуха жалко и искательно смотрела на Костю. — А сколько бы вы дали?

— Раз вы так дорого ее цените, вам надо съездить в антикварный.

— Все же сколько бы вы дали?

— Один мой товарищ выменял отличную нэцкэ на матрешку, — сказал Костя. — Лучше оцените ее в антикварном.

— Куда я поеду… Сколько она, по-вашему, стоит?

— Самое большее — пятнадцать рублей… И то… — Костя снова взял в руки фигурку, — я беру ее потому, что собираю работы Томотады или под Томотаду.

— Она подлинная, — торопливо проговорила старуха.

— Кто это может доказать? — Костя снова поставил фигурку на стол. — Возможно, вам удастся продать ее дороже.

— Хорошо, — вздохнула старуха, — пусть будет пятнадцать.

4

Игорь поджидал нас на улице, и мы пошли в шашлычную. Действовал неизвестный мне их порядок, мне оставалось подчиняться ему и не задавать вопросов. Когда человек всему удивляется, он выглядит идиотом.

Возможно, фигурка музыкантов не стоит больше пятнадцати рублей. Но неприятно видеть, как люди торгуются, в этом есть что-то базарное, лавочное, что-то от объегоривания и надувательства — кто кого околпачит. То ли дело в магазине! Висит цена. Хочешь — покупай, не хочешь не покупай, есть деньги — бери, нет — уходи. Больше, меньше — какое это имеет значение? А Костя торговался. И с кем? С несчастной старухой. Должен был сказать: «Мне это дорого», или еще лучше: «Я подумаю», и уйти. Мужчине унизительно торговаться.

Когда папа уезжает в командировку, мы с мамой обедаем в столовой. Обычно я заказываю блинчики с вареньем. Меня удивляет, что люди заказывают, например, котлеты с макаронами. Ведь блинчики гораздо вкуснее.

Но Игорь насмешливо спросил:

— Ты в детском саду?

И заказал суп харчо, шашлыки и по сто граммов коньяка три звездочки.

Чтобы не опьянеть, я навалился на масло. Говорят, что масло образует на пищеводе пленку, непроницаемую для винных паров. Я даже где-то читал об этом.

— Здоров ты масло рубать! — удивился Игорь.

Меня от масла чуть не стошнило, зато мой пищевод был надежно смазан, мне не был страшен никакой коньяк. Я выпил полную рюмку. Пусть Игорь и Костя не думают, что имеют дело с мальчиком.

Игорь сказал наставительно:

— Коньяк надо потягивать. За границей его пьют только после еды, за кофе.

— Ты давно из Парижа? — спросил я.

— Разве это харчо? Разве это шашлыки? — продолжал выдрючиваться Игорь. — Харчо надо подавать в горшочках, шашлык надо готовить по-карски.

— Большой знаток, — насмешливо заметил Костя.

Костя разбирается в людях, этого от него не отнимешь. Дело даже не в том, что Игорь хвастает, — он слишком громко разговаривает, как будто не для собеседника говорит, а для окружающих. А окружающим, может быть, неинтересно его слушать,

быть может, чужой разговор мешает их собственным мыслям.

Держа руки под скатертью, Игорь разглядывал музыкантов.

— Это вещь! Как положен лак, а! Какой колорит, уникум!

Я бездарен в изо, я уже признавался в этом. Лучше честно признаться, что не понимаешь, чем делать вид, что понимаешь, когда ни черта не понимаешь. И когда люди начинают с умным видом рассуждать об искусстве, меня тошнит. Когда Игорь начинает долдонить: «Свет, колорит, жанр», — хочется съездить ему по затылку.

— Если ты еще раз произнесешь слово «колорит», получишь по затылку, — предупредил я Игоря.

Он невозмутимо ответил:

— Ты темный человек, Крош, тебе чуждо чувство прекрасного. Ты даже не понимаешь, что это за нэцкэ. Уникальнейшая вещь!

— Откуда ты знаешь?

— Я все знаю, я так много знаю, что мне уже неинтересно жить.

— Эрудит! — усмехнулся Костя.

— Эта нэцкэ говорит о бренности всего земного, — продолжал выдрючиваться Игорь. — Были знаменитыми музыкантами, стали нищими. Сик транзит глория мунди… Работа Томотады из города Киото, восемнадцатый век. Томотада — второй величайший мастер Японии…

— А кто первый?

— Мива. Мива-первый из Эдо. Но мне Томотада даже нравится больше. Посмотри на этих музыкантов, какая работа! Цена ей верный кусок.

Кусок! Сто рублей! Неужели эта безделушка стоит таких денег? Значит, Костя надул старуху.

— На любителя и все полтора куска, — хладнокровно проговорил Костя.

Этот откровенный цинизм меня возмутил.

— Ты обманул старуху!

— Почему? — невозмутимо ответил Костя. — В антикварном ей дали бы в лучшем случае десятку.

— Итак, мы облагодетельствовали старуху?

— В известном смысле — да, — сказал Игорь.

— Интересно!

— Попади она на любителя, получила бы больше. А если бы нарвалась на жулика? Что старухе надо? Не пьет, не курит. Когда я ей предлагал десятку, она и то колебалась, — сказал Игорь.

— Ты уже был у нее?

— А кто, по-твоему, разыскал эту нэцкэ? — с гордостью объявил Игорь.

Игорь сбил цену, а потом Костя забрал нэцкэ.

— Вам эта операция не кажется жульнической?

— Нисколько! — ответил Игорь. — Что стоила эта нэцкэ старухе? Ничего! Валялась в доме фигурка. Кто ее приобрел, когда, где, за сколько — никому не известно. Разве это результат ее труда, энергии? Прежде чем напасть на настоящую вещь, истинный коллекционер затратит месяцы, а то и годы на поиски, потеряет массу времени и денег. Ты хочешь, чтобы он к тому же покупал по высшей цене? Тогда проще пойти в антикварный и купить лучшие коллекции нэцкэ. Но это уже не будет коллекционированием, истинные собиратели так не поступают. Понял, Крош? А если понял, то закусывай. Пьешь, а не закусываешь.

Игорь напрасно беспокоился: коньяк на меня не действовал. Мой пищевод надежно смазан, я мог выпить еще столько же, пожалуйста! Прекрасное харчо! Прекрасный шашлык! И при всех своих недостатках Костя славный парень!

Непонятно, как отодвинутая мной тарелка задела фужер, — фужер стоял далеко в стороне… Фужер куда-то поехал, и скатерть куда-то поехала, Игорь с шашлыком поехал вслед за фужером, Костя вслед за скатертью… Вместо них появилась наша квартира, потом старуха, потом еще кто-то, потом была бездонная пустота, потом я снова увидел шашлычную, скатерть, Игоря и Костю с бокалом боржома в руках.

— Выпей!

Я выпил боржом, стало легче, только не хотелось ворочать языком. Что-то мутное подкатывало от живота к горлу, и тогда кружилась голова. Потом откатывало и становилось легче. Все от харчо и шашлыка, Игорь прав — здесь ни черта не умеют готовить. Харчо надо подавать в горшочках, шашлык нужно жарить по-карски. Не от коньяка же у меня получилось: мой пищевод надежно смазан сливочным маслом. При воспоминании о масле у меня снова подкатило от живота к горлу.

— Сошел с тебя загар, — заметил Игорь.

Стакан горячего чая с лимоном немного меня согрел, но все равно было муторно и противно. Никогда больше не буду есть харчо, не буду есть шашлык, черт бы их побрал!

— Не огорчайся, Крош, — снисходительно заметил Игорь, — я тоже так начинал.

— У меня не от коньяка вовсе.

— Вот именно, от боржома.

5

Костя спит на раскладушке в лоджии — крохотном, застекленном балконе. Над раскладушкой висят боксерские перчатки, скакалка, тренировочный костюм, на тумбочке — транзистор «Спидола» и газета «Советский спорт».

Костя спит здесь только летом, зимой он спит в комнате. Половину этой комнаты занимает библиотека — отец Кости конструктор, другую половину — рояль, — сестра Кости учится в музыкальной школе при консерватории. Ей двенадцать лет, но она уже сочиняет музыку и упражняется на рояле по восемь часов в день. Упорная.

Прекрасная штука лоджия. Ощущение будто висишь в воздухе и видишь всю Москву. И это — отдельное помещение. Я мечтаю иметь отдельное помещение. И заняться боксом было бы неплохо.

— Знаешь, Костя, я бы с удовольствием занялся боксом. Просто для самообороны.

Костя промолчал.

— Многих вводит в заблуждение мой небольшой рост. На самом же деле я вовсе не слаб, только не знаю приемов. Я думал овладеть приемами самбо, но теперь вижу, что бокс лучше. В самбо надо входить в соприкосновение с противником, а в боксе стукнул раз и пошел дальше.

— Покажу тебя тренеру.

— Не поздно начинать в шестнадцать лет?

— В самый раз.

Черт возьми, а вдруг тренер найдет у меня данные и я стану настоящим боксером? Может быть, чемпионом среди юношей в своей весовой категории. Колоссально!

— Чем скорее ты покажешь меня тренеру, тем лучше.

— Хоть завтра.

Грубоватый он парень, но ничего, можно дружить.

В лоджию вошел отец Кости, сел на край кровати, погладил свое колено, посмотрел на нас и улыбнулся. А Костя смотрел в стену и на вопрос отца: «Как дела?» — холодно ответил:

— Ничего.

— Завтра будем испытывать малолитражку. Помучились с ней.

Костя молчал.

— Отличная будет машина, скорость сто, расход бензина — четыре литра.

Мне стало неудобно: Костя демонстративно молчал.

— Каждый гражданин Советского Союза должен иметь автомобиль, — вмешался я в разговор. — В наш век автомобиль то же самое, что в прошлом веке велосипед. На Западе города задыхаются от избытка автомобилей, но у нас в стране места достаточно.

Отец Кости одобрительно кивал головой и поглаживал свое колено — больное оно у него, что ли? А на вид здоровый мужчина, полный, высокий, добродушный.

— Ты как думаешь? — спросил он у Кости.

— Мне все равно.

Я поразился такому хамскому ответу. Я тоже иногда бываю в ссоре со своим родителем, но если он делает первый шаг к примирению, то надо тоже быть человеком.

— Вы в ссоре? — спросил я у Кости, когда мы остались одни.

Костя ничего не ответил.

— Нет смысла ссориться с родителями — все равно приходится мириться.

Костя молчал.

— Твой отец работает на автозаводе?

— Да, — ответил он наконец.

— И мой.

Над раскладушкой висел шкафчик. Костя открыл его, и я увидел там маленькую фигурку.

— Нэцкэ?

— Нэцкэ.

— Покажи.

Мальчик-японец сидел на корточках, и на его коленях лежала книга. Но мальчик смотрел не в книгу, а куда-то вдаль, уносился мыслью далеко-далеко. В его лице была такая ясность, чистота, мечтательность, такая радость и утверждение жизни, что просто было непонятно, какими средствами достиг этого художник. И я понял, что передо мной великое произведение искусства.

— Это и есть великий мастер Мива-первый — «Мальчик с книгой», — сказал Костя.

— Тоже собираешь?

— Нет… Так, одна завалялась… Об этой нэцкэ не говори Веэну. Даже не говори, что ты вообще ее видел.

— Ладно.

— Смотри!

— За кого ты меня принимаешь?!

6

Во дворе народ толпился у фонтана. Фонтан — центр архитектурного ансамбля нашего двора. Его ремонтируют каждое лето до осени, когда запускать фонтан уже бессмысленно. И все равно каждый пуск фонтана — крупное событие в жизни нашего дома. И, конечно, в толпе толкался Шмаков Петр. Мне кажется, что не Шмаков появляется во дворе в момент событий, а события появляются, когда Шмаков появляется.

При виде Шмакова мое настроение омрачилось: новая дружба с Костей вытесняла старую, проверенную временем и испытаниями дружбу со Шмаковым.

А почему новая дружба должна мешать старой, проверенной временем и испытаниями? Разве мы не можем дружить втроем? Шмаков прекрасный товарищ и тоже может заняться боксом, у него для этого все данные.

Шмаков обсуждал с пенсионером Богаткиным технические проблемы фонтана. Ничего в этом Шмаков не понимал, но здорово умел разговаривать с пенсионерами, находил с ними общий язык. А на меня пенсионеры поглядывают так, будто обдумывают, съездить мне по шее сейчас или немного погодя.

Я улучил момент, когда пенсионер Богаткин отвернулся.

— Слушай, Шмаков, хочешь заняться боксом?

— Зачем?

— Для самообороны.

— От кого обороняться?

— От того, кто нападет.

— Никто на меня не нападет.

— Сегодня я был в шашлычной с Костей и Игорем, хватили по сто грамм.

— Спекулянты, шайка.

— Уж, во всяком случае Костя не спекулянт у него сестра в консерватории.

— Спекулировать можно не только в консерватории, но и в филармонии, — сказал Шмаков Петр.

Я не придал значения словам Шмакова. Он не знает что Костя и Игорь выполняют поручения Веэна в интересах искусства. И когда я начинаю с кем-нибудь дружить, Шмаков об этом человеке отзывается скептически. Но его решительный отказ заняться боксом меня смутил: зря Шмаков отказываться не будет, у него есть практическая хватка. И нельзя не признать того факта, что боксом занимается далеко не большая часть человечества.

Дома папа и мама обсуждали поездку по Волге. На днях они уезжают пароходом по Оке, Волге и Каме. Вез меня. Я уже два раза плавал — скучища смертная. Один раз еще куда ни шло, но в третий — извините! А папа с мамой любят. Ну и на здоровье!

Я взялся за энциклопедию. У нас их две. Одна — Брокгауз и Ефрон, другая — БСЭ, Большая советская.

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона издана в конце прошлого века. Несмотря на это, она содержит много интересных фактов. Любопытно узнавать, как люди смотрели на мир восемьдесят лет назад; иногда это выглядит довольно курьезно. И видишь, как далеко ушло вперед человечество.

«Бокс — род кулачной борьбы, состоящей в искусстве наносить противнику удары от головы до живота включительно… Состязания часто кончаются кровью и увечьями… Они прекращаются лишь тогда, когда один из соперников отделает другого так, что последний становится неспособным к продолжению борьбы».

Если отвлечься от наивного выражения отделает, то в самом определении мало

заманчивого. Кровь, увечья, удары от головы до живота… Не обрадуешься! В живот еще куда ни шло, но если долбать человека по кумполу, он в конце концов обалдеет.

БСЭ — современная энциклопедия. Кое-что в ней наворочено в связи с культом личности. Но вряд ли влияние культа личности сказалось на статье о боксе.

«Бокс — вид спорта, кулачный бой… Цель боя — вывести противника из строя ударом в наиболее чувствительную часть тела… — нокаутом… Нокаут сопровождается полубессознательным или бессознательным состоянием, наступающим чаще всего в результате удара в подбородок или в живот».

Это определение более научно. Но «удар в наиболее чувствительную часть тела… В подбородок или в живот. Бессознательное состояние…»

Приятно, конечно, стать чемпионом мира или Европы. Но если тебя заставят харкать кровью, будут лупцевать по животу, долбать по кумполу, повергнут в полубессознательное, а то и вовсе бессознательное состояние, то лучше стать чемпионом по шашкам. А один наш парень стал чемпионом по настольному теннису, тоже все понимает.

Все же неудобно просто так отказаться. Вчера набивался, а сегодня откажусь. И возможно, бокс не так страшен, как написано в энциклопедии. Я много раз видел бокс но телевизору и не замечал ни увечий, ни крови. Боксеры прыгали друг перед другом, нанося редкие и, по-видимому, не слишком болезненные удары перчаткой. И может быть, тренер не захочет меня принять — не будет мест или у меня не окажется данных, — допустим слишком короткие руки, с короткими руками противника не достанешь, он тебя достанет.

По дороге на Цветной бульвар, где находится спортклуб, я сказал Косте:

— А вдруг не примут?

— Всех принимают.

— Никому не отказывают?

— Только тем, кто учится музыке.

— Почему?

— Могут повредить губы и пальцы. Ведь ты не играешь на саксофоне?

— На саксофоне я не играю… Но думал поступить в джаз ударником.

— И родители должны разрешить, — добавил Костя.

Я сразу успокоился. Если впутывают родителей, значит, возможны варианты.

Некоторое время мы ехали молча, потом я сказал:

— Все время думаю о нэцкэ, что мы купили у старухи. Как-то нехорошо получилось.

— Что нехорошо? — угрюмо спросил Костя.

— В сущности, мы ее обманули, старуху. Конечно, собирательство — риск и так далее… Но уж больно жалко старуху: живет, наверно, на пенсию. Ей бы эти деньги здорово пригодились.

— Ты дурак или умный? — спросил Костя.

— То есть?

— В шашлычной за тебя платили? За красивые глаза? И помалкивай.

— Я эти деньги верну.

— Не задержи, — презрительно сказал Костя.

— И никаких ваших нэцкэ больше не желаю знать.

— Никто тебя и не просит.

7

Троллейбус остановился, и я сошел. Костя даже не посмотрел мне вслед. Ну и черт с ним! Шмаков прав: я попал в компанию спекулянтов. Мир искусства, черт бы их побрал! Собиратели, гении, пижоны несчастные, тунеядцы! Я им при случае выскажу все, что о них думаю. Надо быть принципиальным: принципиальность всегда побеждает, беспринципность проигрывает. Торгаши несчастные, перекупщики!

Домой идти не хотелось, и я зашел в магазин спортивных товаров. На дверях плакат: «Граждане покупатели, вас обслуживают ученики торговой школы». Правильнее было бы написать «ученицы». Почти все продавщицы в магазине — девушки, довольно хорошенькие.

Самая хорошенькая девушка — Зоя, из отдела спортивной обуви. Шмаков целыми днями торчит у ее прилавка, мешает людям примерять кеды. Шмаков убежден, что у него на Зою больше прав, чем у меня, — она высокая, а Шмаков считает, что мне должны нравиться маленькие и худенькие. Если мы знакомимся с девушками, Шмаков сразу пристраивается к той, которая повыше. А мне, между прочим, тоже нравятся высокие девочки. Не такие дылды, как Нора, но, во всяком случае, не маленькие. Известно, что привлекают контрасты: брюнетам нравятся блондинки, толстым — худенькие, веселым — серьезные, высоким — маленькие, болтливым — молчаливые. Я много раз объяснял это Шмакову Петру. И вообще оттирать другого плечом глупо.

Если говорить честно, то больше всех мне нравится Майка. Но Майка уехала на все лето, и перед самым отъездом мы с ней здорово поспорили по поводу одной книги, — забыл, как она называется, нескладно очень, и я не запомнил. И писателя не запомнил, неизвестный еще писатель. Неизвестный, а сразу написал книгу о неврастенике. В наш век много неврастеников, вот про одного и написал.

Майка возразила, что у него переходный возраст. А я сказал, что никакого переходного возраста не бывает. Например, один наш парень, Мишка Таранов, сын известного Таранова, написал как-то письмо. «Тому, кто захочет читать» — так озаглавил он свое письмо. Мишка писал, что его отец — великий человек, а он, Мишка, ничтожество и не знает, стоит ли ему дальше жить. Развел муру на четырех страницах. Все сказали — переходный возраст, а я Мишке сказал: «Глупо сравнивать себя с отцом. Когда твоему отцу было шестнадцать лет, возможно, он был еще большим хлюпиком, чем ты теперь». Эти слова на него здорово подействовали. Он сразу переменился, теперь его не узнать. Раньше он даже в футбол не играл, а теперь лучше всех в школе танцует твист.

Майка возразила, что герой книги хочет уйти от суеты, хочет завести хижину в лесу и жить вдали от людей. В ответ я сослался на Полекутина, самого высокого и сильного парня в нашем классе; мы его зовем Папаша. Он, как только схватит двойку, объявляет, что уйдет в пасечники, пчел будет разводить на пасеке. Я ничего против пасечников не имею, любая работа почетна, но к любой работе надо иметь призвание. Пасечник должен любить всяких там мошек и букашек, а у Папаши чисто технические наклонности. Я привел этот пример в доказательство того, что желание завести хижину в лесу может возникнуть у любого человека и ровным счетом ничего не доказывает.

И еще девочкам нравится, когда в книге много блатных словечек. Они это называют «словесными находками».

А я не люблю ругательств. Терпеть не могу, когда ругаются, особенно при женщинах и детях. Типу, который ругается при женщинах и детях, я стараюсь заехать в

физиономию. В художественном произведении приходится иногда воспроизводить то или иное ругательство — литература отражает жизнь. Но и не следует забывать, что беллетристика — это бель летр, красивое письмо. В нашем дворе иной раз услышишь такое… но разве этот бель летр я должен совать в книгу, которую сейчас пишу?!

Майка сказала, что герой книги — продукт капитализма. Может быть, не знаю. Но мне всегда подозрительно, когда человек оправдывается капитализмом. На сельскохозяйственной выставке один наш парень стащил яблоко. На классном собрании этот тип встает и говорит: «Простите меня, братцы, не я виноват, родимые пятна капитализма виноваты». Видали! Откуда у него, спрашивается, родимые пятна капитализма в шестнадцать лет? Он капитализма в глаза не видел.

И еще я сказал Майке, что стендалевского Жюльена Сореля не отдам за тысячу таких неврастеников. Майка возразила, что Жюльен Сорель самый обыкновенный обольститель. Я ответил, что если женщина не хочет, чтобы ее обольстили, то никто ее не обольстит. Майка объявила, что я в этом мало разбираюсь. Я сказал, что разбираюсь побольше, чем она. И еще сказал, чтобы она не горячилась, а вспомнила бы последние минуты Жюльена Сореля…

«К счастью, в тот день, когда ему объявили, что пришло время умирать, яркое солнце озарило природу, и Жюльен был мужественно настроен… „Ну что, все хорошо, — подумал он, — я нисколько не падаю духом…“ Никогда еще его голова не была настроена так поэтически, как в ту минуту, когда ей предстояло упасть с плеч…»

Майка сказала, что век сентиментальности давно прошел. Я ответил, что термином «сентиментальность» пользуются черствые и бессердечные люди. И в эту минуту я понял, что дружба с Майкой меня ни к чему не обязывает. Тем более, что еще до того, как мы поспорили с Майкой, мне уже нравилась продавщица Зоя из отдела спортивной обуви. Они мне нравились по-разному: Майка — по-интеллектуальному, Зоя — по-другому. А после того как мы поссорились с Майкой, Зоя стала нравиться еще больше.

Только мешал Шмаков Петр. Не потому, что он оттирал меня плечом, — я сам могу оттереть кого угодно. А потому, что Шмакову никто, кроме Зои, не нравился, значит, его чувство было глубже моего. И я не хотел мешать его глубокому чувству.

Сейчас Шмаков тоже стоял у прилавка, оттирал всех плечом и разговаривал с Зоей. На покупателей Зоя не обращала внимания. Надо войти и в ее положение — не очень-то приятно смотреть на чужие рваные носки. Есть субъекты, которые совсем не считаются с тем, что их обслуживает девушка. Конечно, всякая работа почетна. Но будь я директором магазина, я бы на продажу всего мужского ставил продавцов-мужчин, на продажу женского — женщин.

— Ты что такой серьезный? — спросил меня Шмаков насмешливо.

Так он обычно разговаривает со мной при девушках, хочет показать девушкам, что он взрослый, а я подросток. Остолоп. Терпеть не могу эти его штуки. И я ответил:

— Шмаков, не будь остолопом.

Но если говорить честно, меня обрадовала встреча со Шмаковым. Шмаков действует больше плечами, чем головой, но он никогда не втравлял меня в спекуляции. И, как верный друг, предупредил меня, что Игорь и Костя деляги. Но я ему не сказал, что он оказался прав, — я знал, что он ответит: «А кого предупреждали?!»

Зоя стояла за прилавком, высокая полная девушка с пушистыми волосами. Когда она проходит по двору, слесари-водопроводчики смотрят ей вслед — так она им нравится. Красивая, ничего не скажешь. Шмаков Петр стоит как истукан и глаз с нее не

сводит. А что такого?

Другое дело на катке… Что-то появляется в девочке новое, таинственное, волнующее, щеки раскраснелись, глаза блестят. И когда катаешься с ней за руки или зашнуровываешь ботинки, чувствуешь себя мужчиной, тем более что надо охранять ее от хулиганов. А Шмаков даже у прилавка стоит как истукан, с места его не сдвинешь. И я пошел по магазину один.

Я бродил по магазину, любовался новыми моторными лодками и думал о Веэне. Он спросит, почему я не хочу больше иметь с ним дела. А я отвечу: не желаю участвовать в объегоривании старух. Не желаю.

8

Но когда я явился к Веэну, он спросил меня совсем о другом:

— Как ты себя чувствуешь после вчерашнего?

Я не сразу сообразил, о чем он спрашивает. Потом сообразил:

— Все прошло.

— Неудобно отставать от товарищей, — продолжал Веэн. — Тебе простительно, Косте непростительно — спортсмен, боксер. Нельзя пить — значит, нельзя. Так ведь?

— Так.

А что я мог ответить? Боксеру действительно пить нельзя.

— Игорь сбивает Костю, — продолжал Веэн. — Странный парень, а мог бы, не лишен вкуса.

На Веэне был вязаный джемпер и белая рубашка. Он был еще строен и спортивен для своих лет.

— Игорь торопится, суетится, поступает часто необдуманно. Вот эта нэцкэ. — Веэн протянул руку к шкафу и снял с полки фигурку музыкантов, ту, что мы купили с Костей у старухи. — Игорь заверил, что нашел оригинал, — оказалась копия. И Костя хорош! Я ему велел сначала оценить — он не послушался. Впрочем, каждый может ошибиться, так ведь?

— Так.

А что я мог ответить? Действительно, каждый может ошибиться.

— Потеряю на этой афере пять рублей, а то и все десять. У тебя с собой паспорт?

— С собой.

— Попрошу тебя, сдай эту нэцкэ в антикварный. Дадут десять рублей — хорошо, пять — все равно оставишь.

— Ладно.

— Потом съездишь с Костей в одно место.

— Хорошо.

— Понравился тебе Костя?

— Мы еще мало знакомы.

— Костя славный мальчик, но у него сложный характер. Этому есть причины, со временем ты их узнаешь. А пока я бы хотел, чтобы вы подружились.

— Если он не против.

— Я думаю, ты способен расположить его к себе, — не спуская с меня пристального взгляда, продолжал Веэн. — Он кажется угрюмым, но у него доброе, отзывчивое сердце.

Что я мог сказать? Костя показался мне грубияном, но я мог и ошибиться. Я-то

думал, что он надул старуху, а выходит, старуха надула его — уверяла, что это подлинник.

Ужасно быть таким подозрительным. А все Шмаков — он внушил мне подозрительность.

— У Кости не родной отец, а отчим, — сказал Веэн многозначительно.

Не у одного Кости отчим, ничего в этом особенного нет. Но теперь мне стала ясна холодность Кости в разговоре с отцом, то есть на самом деле с отчимом.

— Костя этого не знает и не должен знать, — сказал Веэн.

Это уже придавало делу некоторую таинственность. Но почему от Кости скрывают правду? Отец у человека — тот, кто его воспитал.

— А зачем это скрывать? — сказал я. — Отец у человека — тот, кто его воспитал.

— Отец Кости погиб при особенных обстоятельствах, Костю пришлось записать на отчима.

— Когда Костя узнает правду…

— Он ее никогда не узнает. Об этом знаю только я. Теперь знаешь и ты.

— За меня не беспокойтесь.

— Если ты подружишься с Костей, ты сделаешь доброе дело. «Спеши творить добро» — это сказал Гете. Ты знаешь Гете?

— Мы проходили «Фауста».

— В жизни Кости есть и другие сложности, со временем ты узнаешь. И я хочу, чтобы он был готов к своему будущему.

Его взгляд вдруг сделался таким задумчивым и печальным, что мне стало жаль и его и Костю и было стыдно за то, что я подумал о них плохое.

9

В антикварном приемщик равнодушно повертел в руках фигурку музыкантов.

— Поставлю десять рублей.

— Хорошо, — согласился я, радуясь, что Веэн потеряет всего пятерку.

Я повернулся и увидел Костю.

— Веэн сказал, что ты здесь. Поедем в мотель.

О вчерашнем ни слова. Благородный парень все-таки.

Я смотрел теперь на Костю другими глазами. Разве не ужасно положение человека, не знающего, кто он такой? Я не допускал мысли, чтобы такое могли скрыть, например, от меня. Лучше знать, чем не знать, пусть даже самое плохое. Это как в драке, если закрываешь глаза, тебя наверняка отлупят. А от Кости скрывали. Я знал про него больше, чем он сам. И это давало мне над ним некоторое превосходство, позволяло быть снисходительным к его недостаткам. Но без заискивания! Сдержанностью показать, что я выше его грубостей.

В автобусе два старичка рыболова рассуждали о язвах. Один говорил, что лучше язва желудка, другой — что лучше язва двенадцатиперстной кишки. Бедняги, дожить до такого разговора! Хотя смешно…

Мотель стоит на пересечении Минского шоссе и кольцевой автострады. При нем станция обслуживания, бензоколонка и буфет.

По шоссе и автостраде, вверху и внизу, в разные стороны шли машины. Освещенное солнцем, все это выглядело живописно, как на картинке. Мне понравилась эта оживленная сутолока. Рюкзаки, термосы, удочки, охотничьи ружья в чехлах,

раскладушки, сложенные брезентовые палатки, чемоданы… Очень приятно, что вокруг Москвы выстроена такая красивая автострада. Я вообще за то, чтобы каждый гражданин Советского Союза имел собственный автомобиль. Автомобиль в наш век то же самое, что в прошлом велосипед…

Но когда я сказал об этом Косте, он посмотрел на меня, как на идиота:

— Ты уже об этом вчера распространялся.

Он вошел в мотель, а я остался его дожидаться. Сквозь широкие окна было видно, как Костя взял в буфете бутылку воды и сел за столик, где сидел человек, по виду иностранец.

Глазеть в окно было неудобно, и я прошелся по станции. В камере для мойки машин медленно двигался автомобиль, его со всех сторон обмывали веерные души, обтирали большие мохнатые щетки. Двадцатый век! Но когда машина выехала из камеры, мойщица шлангом промыла ее снизу, сгибаясь в три погибели, а потом обтерла машину собственным передником, ругая начальство за то, что не дают обтирочного материала. Это меня порядком удивило. Впрочем, мотель — предприятие новое, переживает трудности, и со временем все наладится.

К мотелю подошли старички рыболовы, рассуждавшие, какая язва лучше. Один пошел в буфет, второй остался его дожидаться, сложив рыболовные снасти на ступеньках.

В это время из буфета вышли два подвыпивших парня в ковбойках. Один ни с того ни с сего ударил ногой по ведру. Все покатилось, расплескалось, рассыпалось.

— Понаставили!

Старичок не слишком удачно расположил свое барахлишко. Но это не повод раскидать его. Парни хохотали, глядя, как бедный старик ползает по земле, спасая рыболовную снасть, и приговаривали:

— С умом ставь, отец, чтобы люди ноги не ломали.

Тогда я спокойно сказал:

— Вы их нарочно толкнули.

— Что?! — заорал парень и с кулаками бросился на меня.

И тут же полетел на землю. Это Костя выскочил из мотеля и нокаутировал хулигана. Второй хулиган бросился на Костю, но я подставил ему ножку, и он приложился об асфальт рядом с первым.

На скандал начали сбегаться люди… проверещал милицейский свисток… Я хотел еще наподдать негодяям, но Костя схватил меня за руку:

— Бежим!

Мы промчались мимо заправочной станции, обогнули ремонтные помещения, пересекли лесок, выбежали на автостраду и вскочили в отходящий автобус.

Мы позорно бежали. А мы ни в чем не были виноваты. Виноваты были хулиганы, а сволочей надо учить. В таких ситуациях мы со Шмаковым Петром никогда не удираем, а Костя сбежал. Не от трусости — будь он трус, он бы не нокаутировал хулигана. Видно, у него были причины не ввязываться в историю. Лицо у него было бесстрастно, как будто ничего не произошло. Но я поймал на себе его пристальный взгляд. Удивлен, наверно, тому, как я ловко подставил ножку.

Мы сошли с автобуса возле какой-то дачной платформы. У кассы висело объявление — ввиду ремонта пути следующий поезд пройдет в три с чем-то. Мы купили билеты, спустились с платформы и прилегли на травку. Лежать на травке, в холодке, довольно приятно. Я люблю железную дорогу, платформы, сверкающие на

солнце рельсы, бесконечную вереницу черных, замасленных шпал, хотя именно с железной дорогой связано самое неприятное воспоминание моей жизни.

Это случилось года три назад, я стоял на платформе. Поезд электрички дал гудок и отошел от станции. И вот, когда со мной поравнялся последний вагон, из окна высовывается толстая морда и плюет прямо в меня.

Эта хамская, наглая, ухмыляющаяся рожа до сих пор у меня перед глазами. Сознание, что мерзавец трусливо умчался на электричке, я никогда его не увижу, не смогу рассчитаться и его гнусность останется безнаказанной, было так невыносимо, так обидно и оскорбительно, что я чуть не заплакал. А я никогда не плачу — плакать унизительно. Я не плакал, даже когда был грудным ребенком; врачи велели меня бить — во время плача у ребенка развиваются легкие. И когда сукин сын из электрички оплевал меня, я не заплакал, и чуть не заплакал. Даже сейчас, через три года, у меня переворачивается сердце при воспоминании об этом, в груди клокочет ярость — я бы эту гнусную харю разорвал на части; главное, укатил на электричке. Ни с того ни с сего оплевал меня и укатил на электричке! С тех пор я стою на таком расстоянии от поезда, чтобы до меня не мог доплюнуть ни один болван, будь он хоть чемпионом мира по плевкам.

Костя лежал ничком на траве. Не поднимая головы, спросил:

— Ты зачем ввязался в историю?

— Стоять в стороне?!

— Накостыляли бы они тебе.

— Если будем стоять в стороне, хулиганы совсем распояшутся.

— Не пойму: дурак ты или умный?

— Если мы будем обзывать друг друга дураками…

— Зачем ты ходишь к Веэну? — неожиданно спросил Костя.

— А ты зачем?

— Мне деньги нужны.

— Зачем тебе деньги?

— Для жилищного кооператива.

— У тебя квартиры нет?

— Это отчима квартира.

Я растерянно пробормотал:

— Ты разве знаешь, что у тебя отчим?

— Знаю.

— Кто-то мне говорил, что они скрывают это от тебя.

— Да.

— Они скрывают от тебя, а ты от них? Зачем?

— Объявлю ему, что он мне не отец?!

— Отец у человека — тот, кто его воспитал. Разве обманывать друг друга лучше?

У Кости сделалось такое лицо, что мне стало как-то не по себе.

— А твоего мнения никто не спрашивает! Понял?

— Понял.

А что я мог ответить? Ведь я бестактно вмешался в его личную жизнь.

— Вот и помолчи. — Костя лег опять ничком на траву.

Он сгрубил, а мне было его жаль. В сущности, он благородный парень: не хочет огорчать своих родителей — скрывает от них, что знает правду о своем родном отце. Замкнутый, грубый, но благородный человек, какой-то одинокий, чересчур «сам по

себе», жертва собственного характера — вот кто он такой! Когда человек — жертва обстоятельств, тут ничего не поделаешь, обстоятельства могут быть черт знает какие, например, человек попал под машину и стал калекой, тут уж все — так калекой и останешься. Но жертва собственного характера? Неужели так трудно переменить характер? Поговорил бы откровенно с матерью, с отчимом, тайна перестала бы тяготеть над ними, исчезла бы надобность жить отдельно и собирать деньги на кооператив.

Костя вынул из кармана нэцкэ. Девочка с куклой. Выражение лица у девочки было такое, как будто она потеряла что-то очень дорогое. Это огорченное выражение было удивительно детским и точным.

Я кивнул в сторону мотеля:

— Там взял?

— Там.

— Красивая вещь… Но почему все нэцкэ такие грустные?

— Тебе бы только веселиться, — сказал Костя.

10

Я люблю подъезжать к Москве, возвращаясь из дальней поездки, — какое-то меня охватывает особенное чувство. Когда я возвращаюсь из ближней поездки, меня охватывает такое же чувство.

Из окна вагона Москва кажется незнакомой, неподвижной; пытаешься разглядеть какую-нибудь улицу, площадь, но нет ни улиц, ни площадей — одно бесформенное нагромождение зданий. Тем приятнее, выйдя из вокзала, сразу узнать и площадь, и улицы, увидеть машины, спешащих людей, почувствовать движение и запахи Москвы. Ты уверен, что все изменилось, а на самом деле ничего не изменилось. Та же улица, и дома на ней, и магазины, и асфальт двора, ребятишки на песке, пустые ящики у задних дверей магазина спортивных товаров, фонтан и лифтерши у подъездов. Никто и не заметил твоего отсутствия, смотрят так, будто ты и не уезжал вовсе. Москва-громадина принимает тебя как песчинку.

В магазине спортивных товаров был обеденный перерыв, продавщицы грелись на солнышке, пили ряженку — в нашем доме молочный магазин. Есть еще булочная и домовая кухня. Питаться можно.

Зоя из отдела спортивной обуви сидела возле подъезда и тоже пила ряженку. Я подсел. Странно, что нет Шмакова Петра. Во время обеденного перерыва он всегда околачивается во дворе. На этот раз его не было, и я уселся на скамейке возле Зои.

В магазине Зоя не улыбается, а во дворе улыбается. Улыбка сонная, глаза сонные, сама полная, медлительная. Только улыбка ее обращена ко всем без различия, и кое-кто может эту улыбку неправильно истолковать. Женщине надо хорошенько подумать, прежде чем улыбаться.

Продавщицы пили ряженку, дурачились, болтали с шоферами. У нас во дворе много шоферов. Тут же отираются слесари и монтеры с телефонной станции, пытаются заговорить с Зоей, хотя и видят, что я сижу рядом. Думают, что Зоя улыбается им, не понимают, что она просто так улыбается.

Откровенно говоря, я не знаю, о чем разговаривать с Зоей, — Шмаков Петр знает, а я нет. Шмаков может разговаривать с любой девчонкой. Но если потом вспомнить, о чем он разговаривал, то ничего не вспомнишь: междометия какие-то, совсем бессмысленные. А девчонки смеются и реагируют. Смысла никакого нет, а им

нравится. Я стараюсь говорить со смыслом, и девчонкам это не нравится; они не смеются и не реагируют, таращат глаза, будто я несу бог весть какую чепуху.

Наконец мне пришла в голову счастливая мысль.

— Сколько стоит подвесной моторчик к лодке?

— Это не в моем отделе, — улыбаясь, ответила Зоя, — спроси у Светланы.

— Говорят, вы должны получить новые мотороллеры?

— И это не в моем отделе, — улыбалась Зоя, — спроси у Раи.

Я просто не знал, о чем с ней говорить. Черт ее знает, чем она интересуется?!

— Где ты живешь?

— На Таганке, в Товарищеском переулке.

— Далеко.

— Далеко.

— Братья-сестры есть?

— Три брата.

— Старше, младше?

— Старше.

— Ты самая младшая?

— Младшая.

— Где они работают?

— На заводе «Серп и молот».

— У меня тоже есть брат, только двоюродный, живет в Корюкове.

— Хорошо, — улыбнулась Зоя.

Во двор въехала «Волга» и остановилась у подъезда. Из нее вышел Веэн в сером костюме, белой рубашке, спортивный, похожий на английского лорда, какими их рисуют на рекламных картинках американских автомобильных фирм. Машина его так и сияла на солнце. Появление Веэна произвело сильное впечатление на продавщиц магазина спортивных товаров.

Потом, анализируя свое поведение, я понял, что вел себя мелко, даже подловато. Но в ту минуту я этого не осознавал. Когда Веэн вышел из машины и оказался в центре внимания, мне захотелось быть причастным к эффекту, который он произвел, к блеску его машины и общему лордскому виду. Такое мелкое и тщеславное чувство во мне шевельнулось. Захотелось порисоваться перед Зоей, похвастаться Своим знакомством. И я по-приятельски кивнул головой Веэну, улыбнулся: привет, мол, дружище, здорово!

— Ах, Крош, здравствуй!

Веэн смотрел на Зою.

— Познакомьтесь, это Зоя.

Веэн улыбнулся ей ослепительной улыбкой.

— Очень рад, — помахал нам ручкой и скрылся в подъезде.

— Мой хороший знакомый, — сказал я небрежно, — искусствовед и антиквар.

— Интересный мужчина.

Эта реплика меня озадачила. Какой он для нее мужчина? Он ей в отцы годится.

— Красивый костюм.

Это — другое дело. Костюм действительно красивый. Женщины чувствительны к одежде, и замечание Зои вполне естественно.

— Хорошо иметь свою машину, — сказала Зоя улыбаясь.

Я не успел изложить свои взгляды по вопросу о собственных машинах — обеденный перерыв в магазине кончился.

Вечером мне позвонил Игорь:

— Старик, едем завтра на машинах за город. Можешь взять свою девушку.

— Какую девушку?

— Зоеньку.

Он уже знает ее имя. Впрочем, Игорь тоже отирается в магазине спорттоваров.

— Она не моя девушка.

— Старик, будь мужчиной.

Конечно, я могу пригласить Зою. Но тайком от Шмакова Петра?

— Я поеду один.

— Дело твое. По пятерке с носа.

— У меня нет пятерки.

— Старик, надо достать.

— Негде.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Только с отдачей.

— Какой разговор!

…Мы выехали на двух машинах, на «Волге» Веэна и на «Москвиче» Игоря, вернее, брата Игоря. И хотя каждый раз Игорь делает вид, что это его машина, я знаю, сколько унижений ему стоит ее выпросить.

На «Волге» ехали Веэн, Нора, я и Зоя. На «Москвиче» Игорь, Костя, Светлана и Рая — подруги Зои, тоже девушки из магазина спортивных товаров. Девушек пригласил Игорь.

— Старик, по спецзаказу, — подмигнул он мне.

Сначала я растерялся, увидев Зою, потом обрадовался. Если бы я сам ее пригласил, то совершил бы предательство по отношению к Шмакову Петру, а раз оказался с ней в одной компании случайно, то не совершил. Тут уж кому как повезет. И без девушки я бы в этой компании имел глупый вид.

Мы взяли с собой массу вещей: палатку, спальные мешки, надувные подушки, газовую плитку с баллончиками, термосы с кофе и чаем, шампуры для жарения шашлыка и сами шашлыки — полуфабрикаты в громадной кастрюле, залитые уксусом и обложенные кружками лука. Набили машины так, что нам с Зоей пришлось сидеть, прижавшись друг к другу. И Зоя не отодвигалась от меня, иногда оборачивалась, смотрела мне прямо в глаза и молча улыбалась.

О Шмакове Петре я не думал. При чем тут Шмаков Петр? Отираться у прилавка может всякий, это еще ничего не доказывает. Если бы он нравился Зое, она бы с нами не поехала. Она знать не хочет никакого Шмакова Петра, даже не думает о нем. Я положил свою руку рядом с ее рукой, и она не забрала своей руки, дожидалась, когда я возьму ее руку в свою, такая у нее была покорная, мягкая рука. И при мысли о том, что я могу пожать ее руку, могу даже поцеловать ее и она это позволит, меня охватило такое победное, торжествующее чувство, какого я еще никогда в жизни не испытывал… Никому не позволит, а мне позволит, только мне одному. Я гордился и упивался этим, все во мне ликовало; я представлял себе темный лес, мы стоим с Зоей под деревом, никого нет, и мы одни… Когда Зоя оборачивалась ко мне и улыбалась, мне казалось, что она думает о том же, о чем думаю я… И хотя из-за свертков и пакетов мне было не слишком удобно сидеть, я боялся пошевелиться, чтобы Зоя не подумала, что я отодвигаюсь от нее.

Нора сидела рядом с Веэном, как герцогиня, презирала и меня, и Зою, и вообще всех на свете.

Мы промчались по Минскому шоссе мимо мотеля, где позавчера были с Костей, и свернули на Звенигородское шоссе, когда уже смеркалось. Проложенная в просеке узкая асфальтовая дорога то опускалась в глубокие долины, то круто поднималась в гору. Кругом был сплошной непроходимый лес, гигантскими волнами он тоже то опускался вниз, то поднимался к горизонту.

— Подмосковные Альпы, — сказал Веэн.

Места, по которым мы ехали, действительно были очень красивы. Но похожи ли они на Альпы — не знаю, я там не был. При слове «Альпы» я вижу ночь, огоньки фонарей в руках монахов и громадных сенбернаров, разрывающих лапами снег, под которым лежит замерзающий путник.

11

Я помогал Косте натягивать палатку, Рая и Светлана собирали хворост, Игорь налаживал магнитофон, Веэн и Зоя готовили шашлык. Нора сидела на пенечке и злилась на Зою за то, что та помогает Веэну жарить шашлык. И напрасно злилась — кто-то должен помогать Веэну, неудобно не работать, когда пожилой и солидный дядя, да еще в фартуке, сам жарит шашлык.

Мы с Костей перетащили в палатки спальные мешки, одеяла и подушки. Обе палатки были малы, каждая самое большее на два человека. В них будем спать мы, а девочки будут спать в машинах на откидных сиденьях.

Рая и Светлана старательно таскали хворост. Эти худенькие, молчаливые девочки держались так, будто попали не на обыкновенный пикник, а на какой-то прием, будто мы здесь все наивысшие интеллектуалы, какие-нибудь народные артисты или заслуженные деятели. На Веэна они не смели поднять глаза, так он их подавлял своей респектабельностью. Возможно, он напоминал им какого-нибудь их начальника.

Зоя раздавала еду, намазывала бутерброды и все такое прочее. У нее это очень мило и естественно получалось, всем было приятно, даже Веэн говорил ей «Зоенька». И только Нора дулась на нее и на всех.

— Первый бокал за наше небольшое, но сплоченное, а потому могучее содружество, — объявил Веэн.

Мы выпили и закусили.

— Второй — за то, чтобы всем было весело и уютно.

Мы опять выпили и опять закусили.

— Третий — за наших милых девушек!

И Веэн чокнулся с Зоей. Она сидела рядом, и он с ней чокнулся.

Освещенные луной, сидящие вокруг пылающего костра, окруженные неподвижным лесом, отрывающие зубами кусочки мяса от горячих шампуров, мы были, наверно, похожи на вурдалаков.

— Вот так наши далекие предки жарили и ели у костра мясо, — сказал Веэн.

Светлана и Рая слушали его благоговейно. Но шашлык они рубали будь здоров! Крепкие девчонки!

— Выпьем за нашу восьмерку, — сказал Веэн. — Ведь нас восемь?

— Восемь, — услужливо подсказал Игорь.

Веэн поднял вверх шампур с шашлыком:

— Пока мы независимы, пока мы вместе, пока мы верны и преданны друг другу, нам ничего не страшно и мы всего добьемся.

— Девочки, я сниму вас в кино! — Игорь обнял за плечи Светлану и Раю. — Посмотрите на их фигурки — Лоллобриджиды!

— Ты уже режиссер-постановщик? — спросил я.

— Суть в том, что Игорь хочет им помочь, — заметил Веэн. — Это доброе намерение я и ценю в Игоре. В этом мире надо пробиться! Надгробные речи — слабое утешение для тех, кто прозябал при жизни. Д'Артаньяна я предпочитаю всем великим деятелям прошлого, настоящего и будущего. Итак, за д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса!

И выпил. Вначале следил, чтобы пили все, а теперь пил сам по себе. И все время упирает на трех мушкетеров. Он ничего больше не читал? А ведь производит впечатление культурного, начитанного человека.

Но свою тираду Веэн произнес довольно прочувствованно. Она всех тронула. Может быть, потому, что все были на взводе. И хотя я пил только виноградное вино, оно на меня тоже немного подействовало.

— Танцуем! — объявил Игорь и запустил магнитофон.

Светлана и Рая встали, как по команде, и начали откалывать твист. Здорово они его откалывали, ничего не скажешь, только чересчур серьезно, уж слишком старательно трудились. Игоря сменил Костя, Костю — я, потом опять Игорь, а Светлана и Рая танцевали как заведенные. И фигуры выделывали дай бог! Костя тоже выделывал фигуры. А Игорь танцевал на одном месте, небрежно, с сигаретой во рту. Я тоже танцевал спокойно — такой танец, выдохнешься в пять минут.

— Пресли — певец номер один, — сказал Игорь.

— Если бы Поль Анка не попал в автомобильную катастрофу, то твой Пресли был бы ничем, — возразил Костя.

Но Игорь настаивал на своем: Пресли — певец номер один, Брубек — пианист номер один, Армстронг — труба номер один.

Костя сказал, что пианист номер один не Брубек, а некий слепой негр-импровизатор, он каждый раз импровизирует заново, не может записывать свои импровизации потому, что слепой.

И Костя запустил ленту с этим самым слепым негром. Это была настоящая музыка, не какие-то там буги-вуги. Он играл «Караван» Дюка Эллингтона, и я с первых же звуков понял, что перед нами действительно великий пианист… Пустыня, покачиваясь, вышагивают верблюды, рядом погонщики в белых тюрбанах… Сразу после первых тактов пошли потрясающие импровизации; тема каравана проступала в них едва-едва — надо было обладать тончайшим слухом, чтобы ее уловить. Я, конечно, не уловил, и Игорь не уловил, а Костя уловил и стал напевать ее. И тогда мы тоже ее услышали сквозь бурные, многозвучные импровизации. Я удивился музыкальным способностям Кости. Впрочем, ничего в этом удивительного нет: его младшая сестра уже сочиняет музыку — музыкально одаренная семья. Но это много прибавляло к интеллектуальному облику Кости. И ведь никогда не хвастался своими музыкальными способностями, даже не обнаруживал их. А когда дошло до дела, то обнаружил.

Игорь признал, что слепой негр играет здорово, но ему лично Брубек нравится больше. И если угодно знать, то первый пианист-модернист — это наш Толя Морковкин, только ему негде развернуться. Но основа джаза — труба, и первая труба мира — Луи Армстронг. Что там ни говори, старик Армстронг — первая труба мира. А

может быть, он и первый джазовый певец мира. «Великий простреленный тенор» — так с восторгом отозвался о нем Игорь.

Когда я слушаю джаз, мне кажется, что я все могу. Мне нравится музыка ритмичная, ударная, бравурная. Слова меня не интересуют. Да и какие нужны слова в джазовой песенке? «Я люблю тебя, ты любишь меня, мы танцуем с тобой вдвоем» — вот и все слова. И цыганская музыка нравится. Одни «Очи черные» чего стоят! Луи Армстронг и тот их поет. А ведь цыганская музыка — наша. Все модерняги дуют наши мелодии. Я уже не говорю о русских эмигрантах… Странно только, что они поют с иностранным акцентом. Забыли родной язык? Или это поют их потомки?

Лента кончилась. Мы устроили небольшую передышку. И тут я увидел, что Веэна и Зои на полянке нет. И я спросил, где они.

— Ушли за водой, — ответил Игорь.

«А что особенного в том, что они пошли за водой? — подумал я. — Наберут воду и придут».

Только я это подумал, появились Веэн и Зоя с чайниками и кастрюлями в руках.

Мы снова раздули костер, стали греть воду, мыть посуду. Но Зоя больше не улыбалась. Только один раз, когда Веэн что-то ей сказал, на ее лице мелькнула улыбка, но смущенная, задумчивая, робкая. Мне сделалось вдруг тоскливо. Неужели Веэн вздумал ухаживать за ней?

Сразу пропало победное, торжествующее чувство, владевшее мной, когда мы сидели рядом с Зоей в машине. Тогда я знал, что могу, имею право пожать Зое руку, поцеловать ее и она позволит мне это, только мне одному; я гордился и упивался этим, все во мне тогда ликовало. Теперь во мне ничего не ликовало, было тоскливо и гадко на душе, что-то сломалось, ушло, рухнуло… Позволила Зоя Веэну ухаживать или не позволила — не имеет значения, она дала повод. Майка бы не дала повода. А Зоя дала повод.

Может быть, когда мы ехали с Зоей в машине, ничего и не было? Может быть, это свертки и кульки ее прижимали? Ведь был уже со мной подобный случай. Этой зимой. Мы читали с одной девчонкой «Историю СССР»: в читальне был только один экземпляр, мы взяли его на двоих, сели рядом и стали читать. И вдруг мне показалось, что она нарочно села так близко ко мне. Я просто окаменел, не видел ни одной строки в книге… Я не решался повернуть к ней голову: если я повернул бы к ней голову, мне пришлось бы ее поцеловать, глупо просто так поворачиваться. А я еще никогда не целовал девочек. И после поцелуя я должен буду ей что-то сказать, а что сказать? «Я тебя люблю»? Но ведь я ее не любил вовсе. Я сидел как истукан, а она вдруг спрашивает: «Ты дочитал?» Я даже поперхнулся. Честное слово, ничего не мог сказать, только наклонил голову: да, прочитал, мол. Она спокойно перевернула страницу и стала читать дальше. Кончилось тем, что я схватил двойку по истории. Если бы я хоть ее поцеловал, не так было бы обидно. Схватил двойку ни за что ни про что.

Может быть, сейчас происходит то же самое? Мне только кажется, что я нравлюсь Зое?.. И все равно было противно и муторно на душе. А когда я подумал о Шмакове Петре, сделалось еще муторнее. Веэн совершил подлость по отношению ко мне, но я совершил подлость по отношению к Шмакову Петру. Он любит Зою больше, чем я, у него настоящая любовь, а у меня только увлечение, а я стал за ней ухаживать и познакомил с Веэном. И если Зоя безвозвратно пропадет для Шмакова, то в этом буду виноват я, его лучший друг.

Надо во что бы то ни стало увезти отсюда Зою. Привезу ее в Москву, все честно

расскажу Шмакову Петру, пусть сам с нею управляется. Ведь я не приглашал ее на пикник, даже отказался ее пригласить. А о том, что я думал, сидя рядом с ней в машине, никто не узнает, и Зоя тоже никогда не узнает.

Но как увезти ее? И куда мы пойдем? Выйти на шоссе я смогу, а дальше? Где станция — направо или налево? И есть ли здесь поблизости станция? И как уговорить Зою уехать? Вдруг она откажется? Предложить ей прогуляться, сбиться с пути и уйти в сторону? Здесь не тайга, попадем на какую-нибудь дорогу. Единственное, что нам может помешать, — это звуки магнитофона.

Я подсел к магнитофону. Дорогая штука, конечно, но судьба человека дороже. Меняя ленту, я просунул палец под диск и оборвал проводок.

— Крош, долго будешь ковыряться? — крикнул Игорь.

— Сейчас, — ответил я, обрывая второй проводок.

Потом нажал кнопки — магнитофон не работал.

— Аппарат не работает! — объявил я.

Игорь оттолкнул меня от магнитофона.

— Не умеешь — не берись.

Он начал возиться с кнопками, а я подошел к Зое:

— Зоя, на минуточку.

Зоя поднялась и пошла за мной.

12

Мы шли по тропинке. Я хотел уйти так далеко, чтобы не было слышно голосов нашей компании.

— Куда ты меня ведешь?

— Тут… поляночка красивая… Я тебе ее покажу.

Мой глупый ответ, по-видимому, удовлетворил Зою.

Голосов уже не было слышно. Кругом стоял темный, неподвижный лес, похрустывали под ногами сухие ветки. Я свернул на другую тропинку, с нее на третью. Возможно, это не были тропинки, в темноте ничего было не разобрать, но ветви деревьев не слишком хлестали по лицу значит, не самая чащоба. Мы шли в сторону, противоположную той, откуда приехали, и забирали вправо — я рассчитывал сделать круг, обойти наших стороной и выйти на дорогу, по которой мы сюда ехали. А там или попадется попутная машина, или шоссе приведет нас к какому-нибудь жилью.

Мы вышли на широкую просеку. Можно остановиться. Мы присели на поваленное дерево.

— Ну?! — улыбнулась Зоя. Но не своей обычной улыбкой, а так, как улыбается уже взрослая девушка еще мальчику — чуть насмешливо, немного поощрительно, с примесью любопытства и с оттенком сомнения.

Я хорошо знаю эту улыбочку, черт бы ее побрал! Месяца два назад на меня с такой улыбочкой посматривала Елизавета Степановна, дамочка из нашего подъезда. Я даже старался почаще попадаться ей на глаза, сидел во дворе и ждал, когда она выйдет, чтобы увидеть эту предназначенную мне улыбку.

Но Елизавета Степановна вдруг перестала улыбаться. Перестала, и все. Даже не смотрела в мою сторону… Но как-то раз мы стояли со Шмаковым Петром в воротах, Елизавета Степановна проходила мимо и опять улыбнулась. Я было обрадовался, а когда разобрался, то увидел, что эта улыбка предназначалась не мне, а Шмакову Петру.

Я даже терзался некоторое время, завидовал Шмакову Петру — он ходил с победным видом, напускал туману и многозначительности. А потом Елизавета Степановна и ему перестала улыбаться и стала улыбаться Ваське Полянскому.

Все это было давно, месяца два назад. А сейчас мы сидели с Зоей на поваленном дереве, и Зоя улыбалась мне так же, как Елизавета Степановна, — чуть насмешливо, немного поощрительно, с примесью любопытства и оттенком сомнения. Но я хорошо знал цену этим улыбочкам. И, кроме того, твердо решил спасти Зою для Шмакова Петра.

— Как тебе нравится наша компания? — спросил я довольно сухо.

— Игорь смешной.

— А Нора?

— Красивая.

— А Костя нравится?

— И Костя нравится.

— А Веэн?

— Кто это Веэн?

— Владимир Николаевич.

— Нравится.

— Так ведь он старик, ему, может быть, сорок лет.

— Он самостоятельный.

— А Шмаков Петр?

— Петя — тоже самостоятельный.

Окосеешь от такой логики! Что она вкладывает в слово «самостоятельный»?

— А я самостоятельный?

— Ты славный мальчик.

Спасибо! Они самостоятельные, а я славный мальчик, спасибо!

— А если я тебя поцелую?

— А тебе хочется? — спросила Зоя улыбаясь.

Этот вопрос меня озадачил, я не знал, что ответить. Зоя сидела рядом со мной, в свете луны ее лицо казалось особенно милым и красивым; я ужасно волновался, мне страшно хотелось ее поцеловать. Но если говорить правду, то я еще ни разу не целовал девочек. В разных дурацких фантах целовал, а по-настоящему нет. У меня перехватило горло, и я едва сумел выговорить:

— Да.

Она улыбнулась, чуть наклонилась, и я поцеловал ее в щеку.

Зоя тихонько засмеялась, передернула плечиками и прислонилась ко мне. Ее волосы касались моего лица, они пахли чем-то приятным и волнующим. Мне хотелось поцеловать Зою еще раз, но я боялся потревожить ее — так ей было тепло и удобно сидеть.

Потом она тряхнула головой:

— Пойдем, миленький, а то неудобно.

После того как я поцеловал Зою, мне уже не было смысла спасать ее для Шмакова Петра. И можно спокойно возвращаться назад — уже нет причин всю ночь таскаться по лесу. Но найду ли я дорогу? Дернул меня черт сломать магнитофон! Мы бы ориентировались по его звукам.

Мы пошли. Я впереди, Зоя за мной. Смелая девчонка! Не боится идти ночью но лесу.

Я старался идти так, чтобы ветви деревьев поменьше хлестали по лицу. Иногда мы останавливались, прислушивались, но никаких голосов не слышали.

— Мы правильно идем? — спросила Зоя.

— А черт его знает!

Зачем скрывать правду, раз она такая отважная девчонка?

— Давай поаукаем, — предложила она.

Мы долго аукали, но никто не ответил. Нам ничего не оставалось, как брести вперед — авось куда-нибудь выйдем. Лично я могу спать под любым деревом. Но Зое не слишком приятно таскаться по лесу в ста километрах от Москвы.

Зоя объявила, что устала.

— Пройдем еще немного, я чувствую, что дорога близко.

И действительно, мы прошли шагов сто или двести — лес кончился, и мы увидели высокий берег и блестевшую под луной реку.

Теперь я был спокоен. Река — транспортная артерия — куда-нибудь нас выведет, тем более она впадает в Москву-реку — значит, двигаясь вниз по течению, мы приближаемся к Москве.

Мы немного посидели. Я хотел снова поцеловать Зою, но у нее был усталый вид, ей было не до поцелуев, и мне было неудобно соваться с таким делом.

Мы пошли краем леса. Тропинка извивалась между деревьев, то подымаясь по косогору, то опускаясь к берегу. Вдруг мы услышали плеск воды, смех и увидели купающихся людей. Я здорово удивился, обнаружив, что купаются наши.

Я думал, что наш приход произведет большое впечатление, но ребята не обратили на нас внимания. Только Веэн скользнул но мне особенным взглядом. Еще только рассветало, все было окутано предутренней дымкой, и я не могу отчетливо сказать, что это был за взгляд, — я не столько заметил, сколько почувствовал его, такой мгновенный колючий и вместе с тем жалкий и обреченный взгляд. Мне, по правде сказать, сделалось даже неприятно.

Мы сходили с Зоей к машинам, она взяла купальник, я плавки. Купаться ночью, под луной, — замечательно: вода теплая, темная, перспектива реки таинственная, кажется, что все купаются далеко от тебя, и странно слышать их голоса совсем рядом. Зоя не кидалась в воду с размаху, как Нора, а входила робко, осторожно, потом падала, плескалась и улыбалась мне. Я вспоминал, как поцеловал ее в щеку, и был счастлив.

Вернувшись к машинам, мы напились горячего кофе из термоса и закусили бутербродами. Говорят, что кофе бодрит, а нам захотелось спать. Мы проспали до двух часов дня и встали усталые, помятые; у Веэна на щеках выступила щетина, редкие волосы на голове свалялись, под глазами желтели мешки. Мы дорубали остатки еды и решили вернуться в город. Девочкам завтра с утра на работу и никому не хотелось еще ночь мучиться в палатках.

Мы собрали вещи, сломанный магнитофон, сели в машины и тронулись в дорогу. И вернулись в Москву еще засветло.

13

Я любил Зою и знал, что она любит меня. Я вспоминал запах ее волос, тепло ее плеча, меня охватывало волнение, и я был счастлив. Мысль о ней не покидала меня ни на минуту. И я с нетерпением поглядывал на часы, ожидая, когда наконец стрелки покажут одиннадцать, откроется спортмагазин и я сумею повидать Зою.

А пока я валялся в постели, просматривал газету — каникулы как-никак. Внизу во дворе грохотали бутылками — привезли молоко в молочную. Молочная работает с восьми, не то что спортивный. И если бы Зоя работала в молочной, она кончала бы в пять, и весь вечер был бы в нашем распоряжении. Стояла бы у прилавка в белом халате, кружевной наколке и отпускала бы хозяйкам кефир и все такое прочее. Возле нее не отирались бы пижоны которые делают вид, будто интересуются спортивными товарами, а сами только глазеют на продавщиц и пытаются с ними познакомиться. В молочной у прилавка не постоишь, сыры особенно разглядывать нечего, там не потолкаешься, магазин самообслуживания — покажи, с чем пришел и с чем вышел. Правда, в молочной можно потолстеть. Нажимают на калории с утра до вечера, а Зоя и без того довольно полная.

За завтраком мама инструктировала меня. Послезавтра они с папой уезжают.

Я должен: открывать дверь только через цепочку, следить за газом на кухне, закрывать кран в ванной, гасить свет, покупая кефир, сдавать бутылки, переходить улицы в положенных местах, тратить деньги равномерно, вести себя хорошо.

И не должен: поздно приходить домой, терять ключи, переходить улицу в неположенных местах, есть много мороженого, ломать телевизор, тратить все деньги сразу, вести себя плохо.

Когда было покончено с завтраком и с инструкциями, я отправился в магазин спортивных товаров.

Зоя стояла за прилавком. У меня сердце забилось, когда я ее увидел. Она тоже обрадовалась, увидев меня, улыбнулась, и в ее улыбке было воспоминание о том, как мы сидели с ней ночью в лесу.

Светлана и Рая в своих синих форменных платьях выглядели совсем не такими красивыми, как на пикнике, они были из тех девушек, которые красивы, когда идут в театр или в фотоателье. А Зоя была красивой всегда, было в ней что-то особенное, только мне принадлежащее, ради нее я был готов на все, готов был отдать за нее жизнь. Мне хотелось оберегать, охранять ее, я задыхался от ненависти к кому-то неизвестному, кто может обидеть ее, готов был растерзать его на части.

Но никто Зою не обижал.

Я немного волновался при мысли, что встречу здесь Шмакова Петра. Объяснение с ним было бы не из приятных: не так уж весело огорчать своего лучшего друга. Как там ни говори, я перешел дорогу Шмакову Петру, увел у него девушку. Зоя сама хотела, чтобы я ее увел, но Шмакову от этого не легче. Последнее время я как-то вообще забросил Шмакова Петра, а тут еще увел у него девушку. И разве втолкуешь ему, что тут нет никакой моей вины?!

К счастью, Шмакова Петра в магазине не было.

Но я опять не знал, о чем говорить с Зоей. Я спросил, как она себя чувствует после пикника? Хорошо. Не опоздала на работу? Не опоздала… О чем еще спросить?

Рассказать анекдот, что ли? Я знаю смешные анекдоты, но девчонкам они почему-то не кажутся смешными. Все же я рассказал Зое анекдот о двух английских лордах, поспоривших, чей слуга глупее. Первый лорд велел своему слуге купить автомобиль за один пенс, второй велел слуге поехать в клуб и передать ему, лорду, что он, лорд, сидит дома. Ни слова не возразив, слуги отправились выполнять приказания, из чего лорды заключили, что слуги круглые идиоты. Однако слуги, встретившись на лестнице, объявили идиотами своих хозяев.

«Велел мне купить автомобиль за один пенс, — сказал первый слуга, — а того не

знает, что вечером все магазины закрыты. Идиот!»

«Послал меня в клуб к самому себе, — сказал второй, — как будто не мог поднять трубку и позвонить по телефону. Идиот!»

Смешной анекдот, правда? И Зоя смеялась. Но смеялась, оказывается, тому, что один лорд хотел купить автомобиль за пенс, то есть за копейку, а второй послал к самому себе. Именно это показалось ей смешным. А ведь самое смешное — это разговор слуг, ведь они-то действительно оказались идиотами. Но это до Зои не дошло, смысла анекдота она не уловила. Возможно, потому, что ее все время отвлекали покупатели. А может быть, я плохо рассказал. Иной человек расскажет анекдот так, что обхохочешься, а другой так, что выть захочется от тоски.

Я хотел рассказать ей еще один анекдот, тоже про английских лордов, но Зою позвали на склад принимать товар. И, когда она ушла, я сообразил, что следовало пригласить ее сегодня в кино. Впрочем, приглашу послезавтра, когда папа с мамой уедут. Будем каждый вечер ходить с Зоей в кино, а в выходной ездить на пляж.

Я вернулся домой и взял энциклопедию на букву «Д» — дактилоскопия. У Брокгауза и Ефрона этого слова не было. Восемьдесят лет назад такой науки не существовало, люди еще не знали, что можно пользоваться отпечатками пальцев. Очень хорошо. Чем моложе наука, тем больше в ней возможности для открытий.

Слово «дактилоскопия» я нашел в Большой советской энциклопедии.

«Дактилоскопия» — (от греческого дактило — палец, скопия — смотрю)… Установление личности по кожным узорам… пальцев… На каждом пальце каждого человека узор различен, и… этот узор не изменяется в течение всей жизни человека. По этим узорам устанавливают личность задержанных преступников, скрывающих свое имя и прошлое. Если…»

…Если с этой личности раньше был снят и зарегистрирован отпечаток пальцев. Только в этом случае его можно сличить с тем, который остался на той или иной вещи…

Значит, если и удается обнаружить на древнем предмете отпечаток пальцев, то как я узнаю, кому этот отпечаток принадлежит? Если нэцкэ держали в руках Бальзак, Наполеон или братья Гонкур, то как доказать, что это именно их отпечатки?

Ни с Бальзака, ни с Наполеона при жизни не снимали отпечатков пальцев.

Так лопнула моя очередная фантазия, продиктованная мелким тщеславием. Стыдно сознаться, но до сих пор я еще иногда воображаю себя то усмирителем дикой лошади или сбежавшего из цирка льва, то знаменитым джазовым певцом или ударником, футболистом, гимнастом или хоккеистом — достаточно мне посмотреть по телевизору соответствующую передачу.

А вот если бы я стал собирать нэцкэ, то делал бы это не из тщеславия, а ради них самих, мне было бы приятно собирать эти фигурки просто так. Они мне нравятся сами по себе, без всякого тщеславия. С каждой нэцкэ связана легенда, сказание или притча (одну из них я поместил в виде эпиграфа в начале повести), они очень привлекательны и поэтичны. И так как я собираюсь стать писателем, то они бы мне пригодились.

Впрочем, намерение стать писателем тоже тщеславно. Хорошо, что мои размышления прервал своим звонком Игорь и сказал, что Веэн просит меня зайти к нему.

14

Веэн встретил меня не так радушно, как обычно, я это почувствовал по его спине. У меня поразительное чутье на эти холодные, враждебные спины. Такая спина у нашего школьного учителя математики, широкая, равнодушная спина. Когда у меня не приготовлен урок и я с волнением дожидаюсь звонка, я по его спине всегда точно знаю, спросит он меня или нет. Если урок не приготовлен, обязательно спросит.

Некоторое время Веэн молча рассматривал бумаги на столе, я молча рассматривал его недружелюбную спину Потом он сел и минуты две, сощурившись, смотрел на меня так, будто я перед ним провинился. Я ни в чем не провинился, я это хорошо знаю, и вместе с тем мне было не по себе, будто действительно провинился. Я всегда попадаю в истории, черт бы их побрал! Ничего не делаю такого, чтобы попадать, а попадаю. Другие отходят в сторону, а я попадаю. И сейчас у меня тоже было ощущение, что я влип.

— Почему ты не сдержал своего слова? — спросил Веэн.

— Какого слова?

— Ты рассказал Косте про его отчима.

— Что вы! Он мне сам сказал, что у него отчим.

— А ты сказал, что знаешь об этом. Зачем?

— К слову пришлось. И раз он уже знает, зачем мне притворяться, что я не знаю?

— Костя выпытывал у тебя, а ты сразу признался. И он понял, что ты узнал от меня никто, кроме меня, этого не знает. Нехорошо.

Неужели Костя у меня выпытывал? Подло с его стороны! Этого я ему никогда не прощу Недаром меня тогда так поразила его откровенность. А я думал, он простой, честный парень. И Веэн опять прав. Он всегда прав, черт бы его побрал с его секретами.

— Ладно, — сказал Веэн уже более мягко, — забудем об этом: ты ничего не говорил Косте, я ничего не говорил тебе. Или ты опять передашь ему наш разговор?

— Что вы!

— Я прошу тебя быть сдержанным. Для твоей же пользы.

Я почувствовал в его словах скрытую угрозу.

— Ребенок и тот ответствен за свои поступки. Мужчина тем более.

Возразить было нечего. Мужчина ответствен за свои поступки.

— Итак, с этим кончено. Веэн протянул мне руку и улыбнулся дружески, как улыбался раньше.

Потом он снял с полки нэцкэ…

Я даже рот раскрыл от удивления, чуть было не сболтнул того, чего не надо. Это была та самая фигурка, которую я видел у Кости и о которой он велел мне молчать, — мальчик с книгой.

— Чему ты удивлен?

— Красивая фигурка, — нашелся я.

— Да, прекрасная вещь, запомни ее хорошенько.

Я повертел фигурку в руках.

— Хорошо запомнил?

— Хорошо.

Веэн поставил мальчика на полку и снял другую нэцкэ — большую круглую пуговицу. На ней был изображен спрут. Его глаз холодно и беспощадно смотрел из-за громадных щупалец, чуть согнутых, напряженных, готовых обхватить свою жертву и присосаться к ней жадными, хищными, омерзительными присосами.

Вместе со спрутом Веэн протянул мне записку.

— Поедешь по этому адресу, спросишь художника Краснухина. Предложишь ему обменять спрута на какую-нибудь фигурку. Краснухин покажет тебе свою коллекцию. Осмотр коллекции и есть твоя главная и единственная задача. Ты должен установить: есть у него точно такая же фигурка мальчика с книгой или нет. — Веэн протянул руку к шкафу, где стояла фигурка мальчика с книгой, и повторил: — Есть у него такая фигурка или нет — вот что ты должен выяснить. Понял?

Теперь я хорошо все понял. Эта фигурка мальчика — копия, а Веэн ищет оригинал.

Он ищет его у художника Краснухина, а на самом деле оригинал у Кости.

— Если мальчик у него, — продолжал Веэн, — попроси в обмен на спрута. Он, конечно, не отдаст, а ты ничего другого не бери. В крайнем случае возьми что-нибудь, но условно: скажи, что хочешь посоветоваться, оценить — это у нас практикуется. Все понял?

— Понял.

— И последнее. Адрес Краснухина ты получил у своего товарища, скажем у Жени Иванова. Меня не назовешь ни в коем случае. Если спросит, знаешь ли ты меня, — нет, не знаешь! Прислал Женя Иванов, и все! Какой Женя Иванов? Женя Иванов, одноклассник, Женя Иванов тоже собирает нэцкэ. Это ты тоже понял?

— Конечно.

— Подойди к шкафу, еще раз посмотри мальчика и как следует его запомни.

Я подошел к шкафу. Мне незачем было рассматривать мальчика: я и без того хорошо его запомнил. Я только скользнул по нему взглядом, посмотрел на другие фигурки и вдруг… Я увидел бродячих музыкантов, тех самых, что Костя купил у старухи и которых я сдал в антикварный магазин.

Веэн заметил мое удивление и небрежно сказал:

— В конце концов я достал подлинник музыкантов.

15

Веэн сказал неправду. Когда человек врет, мне становится стыдно, и тогда я безошибочно узнаю, что он говорит неправду. Это те самые бродячие музыканты, что мы за бесценок купили у старухи. Веэн обманывает меня. Но и Костя обманывает Веэна — подлинный мальчик у него.

А я не хочу никого обманывать, не хочу, чтобы обманывали меня, не люблю говорить неправду. Когда говоришь неправду, то со временем забываешь, какую неправду ты сказал, и говоришь новую неправду. И чтобы не запутаться, приходится всю жизнь помнить, как именно ты соврал.

Конечно, Веэн искусствовед, антиквар, обаятельный человек и так далее, но зачем он обманывает меня? И ухаживание за Зоей. И этот затаенный взгляд, так поразивший меня в лесу.

Безусловно, нэцкэ — произведения искусства, но разве искусство покупается и продается? Разве коллекционирование построено на обмане? Я представлял себе коллекционирование по-другому.

Почему Веэн сам никуда не ходит, сам не достает, не обменивает своих нэцкэ? Почему такая таинственность? Почему Костя убежал из мотеля? Я ни от кого не хочу убегать — убегать унизительно. Почему я должен все скрывать от своих родителей, разве я делаю нечто предосудительное? Почему они так темнят с отчимом Кости? Что за тайна такая, что за секрет? В сущности, если меня что и интересует, то именно это.

Конечно, я могу бросить их компанию, но это значит бросить и Костю. А я не хочу бросать Костю. Он замкнутый, грубый, но хороший и чем-то несчастный парень.

Я пойду к художнику Краснухину. Но не для того, чтобы узнать, есть ли у него фигурка мальчика с книгой, я-то ведь знаю, что ее у него нет. Я пойду, чтобы поближе познакомиться с делом, которым они занимаются и которым, по странному стечению обстоятельств, приходится заниматься и мне.

Что такое, в конце концов, эти самые нэцкэ?

Нэцкэ — миниатюрная японская скульптура. Вот все, что я о них знаю. Предмет коллекционирования. Но видно, не такой уж простой предмет, если вокруг него происходят такие странные и загадочные вещи.

Как всегда, я начал с Брокгауза и Ефрона. Слова «нэцкэ» там не оказалось. Я посмотрел на букву «е», не «нЭц-кэ, а „нЕцкэ“, но и тут ничего не нашел. Я вспомнил, что до революции употреблялась буква ъ — ять. Употребление старых букв, вроде „ь“, „i“, „0“… и твердого знака — большое неудобство Брокгауза и Ефрона: ищешь слово, а оно, оказывается, раньше писалось совсем по-другому. Но на „ъ“ нэцкэ я тоже не нашел.

Не оказалось этого слова и в Большой советской энциклопедии. Странно! Нэцкэ — старинная вещь, есть нэцкэ семнадцатого века, а в энциклопедиях они даже не упоминаются. Громадную, на пятьдесят восемь страниц, статью «Япония» я прочитал от первой до последней строчки. Прочитал и общие сведения, и физико-географический очерк, и про берега, рельеф, полезные ископаемые, растительность, животный мир, население, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, внешнюю торговлю, финансы; всю историю прочитал с незапамятных времен — про феодализм, абсолютизм, буржуазные революции; познакомился с государственным устройством, религией, вооруженными силами, политическими партиями, профсоюзным движением, просвещением, философией, литературой, искусством и архитектурой, музыкой, театром и кино. Но слова «нэцкэ» нигде не нашел.

Я снова взялся за Брокгауза и Ефрона, прочитал и там статью про Японию. Опять пошли всякие сведения и таблицы, гидрографии, средние температуры, осадки, фауна и флора, плотность населения, возрастные группы, сословия, эмиграция и иммиграция, земледелие, горные промыслы, обработка масличных семян, капиталы, банки, страховые общества, монетная система, оспопрививание и все такое прочее…

И наконец в главе «Японское искусство» я обнаружил единственное упоминание о нэцкэ. Оказывается, нэцкэ — это «маленькие фигурки, носимые на поясе для пристегивания к ним разных мелких предметов». Вот все, что там было сказано про нэцкэ. Для того чтобы прочитать эту короткую и мало что говорящую фразу, я потратил столько времени, изучил Страну восходящего солнца со всем ее рельефом и финансами.

Конечно, Япония древняя страна, но как же с нэцкэ? «Маленькие фигурки, носимые на поясе для пристегивания к ним разных мелких предметов». Почему мелкие предметы надо пристегивать к поясу, да еще с помощью нэцкэ? И при чем здесь искусство? И почему за ними так охотятся?

Ни на один из этих вопросов я не нашел ответа ни у Брокгауза, ни в БСЭ. И тогда я отправился в читальню.

Я не люблю читален, особенно больших. Тишина, неподвижность, того и гляди, упадешь со стула. Можно выходить в буфет, в уборную, в курилку, но если все время выходить, то какая это работа? Начинаешь потихоньку поглядывать на соседей и обнаруживаешь, что и они на тебя поглядывают. Девчонки поглядывают так, будто ты

не работать сюда пришел, а бездельничать. Самим хочется побездельничать — скука смертная. Попадаются, конечно, дубы — как прирастут к стулу, так не оторвут от него своего седалища. Но я не могу — я люблю наблюдать людей. Сегодня здесь главным образом поступающие в вуз, это видно невооруженным глазом. Первого августа вступительные экзамены — вот они и вкалывают. Никого другого сюда летом палкой не загонишь.

Свободных стульев было много, но к какому ни подойдешь, перед ним на столе книги и тетради — занято. Наконец я нашел свободное место, разложил книги и зажег лампу. На соседей я пока не обращал внимания, хотелось поскорее прочитать про нэцкэ. И можете себе представить, в первой же книге была целая глава о нэцкэ с фотографиями. Оказывается, нэцкэ великое множество: каждый японец носил на поясе нэцкэ, а Япония — одна из населеннейших стран мира.

В традиционном японском костюме нет карманов. То, что европеец носит в кармане, японец носит на поясе: трубка, кисет, коробочка для лекарств, веер, печать, ручка, карандаш. Все это, связанное вместе или в специальной коробочке, закрепляется на одном конце шнура, а другой его конец протягивается сквозь нэцкэ, в которой для этого есть две крохотные дырочки.

Таким образом, нэцкэ — своего рода пуговица, брелок, застежка. Со временем их стали делать в виде фигурок из камней, слоновой кости, панциря черепахи и самые лучшие из дерева: самшита, сандалового или вишневого. Постепенно они становились украшением, а затем и произведением искусства. Не все, конечно, а те, что были созданы великими мастерами, богатыми лишь талантом, могучим воображением, поразительным вкусом и трудолюбием. Это — высокое и подлинно народное искусство.

Просто удивительно, что я сразу наткнулся на книгу, так полно освещающую этот вопрос, хотя это книга не об нэцкэ, а об японском искусстве вообще. Специальные книги о нэцкэ есть на английском языке. Одну из них я тоже выписал. В ней воспроизведены пятьдесят цветных репродукций нэцкэ поразительной красоты. Просто счастье, что я догадался ее выписать. Пятьдесят самых дорогих и редких нэцкэ, составляющих славу японского искусства. И среди них фигурка мальчика с книгой, фигурка, которую я видел у Кости, потом у Веэна и которую должен найти у художника Краснухина. Теперь я понимаю, почему Веэн так охотится за ней.

16

В рубашке с закатанными рукавами и в джинсах, художник Краснухин сидел на низком табурете и лепил. Рубашка его и джинсы были испачканы гипсом, алебастром, известкой, углем и красками. Кругом на стенах и на полу были картины, слепки, гипсовые маски, мольберты, подрамники, инструменты, верстак, станки — токарный и шлифовальный, мотки проволоки, куски необработанного дерева, причудливые корневища. Широкая, продавленная тахта была завалена журналами, альбомами. На покосившемся столике стояли бутылка с пивом, коробка с табаком и телефон. Видно было, что здесь человек работает. Человек с толстыми, сильными руками, короткой шеей и широкой могучей грудью. Каштановые волосы двумя прядями падали ему на лоб, и Краснухин всей пятерней откидывал их назад, а пятерня была в глине. Это мне понравилось. Он был полноват, оттого что работник, ему некогда было заниматься спортом. Передо мной был совсем другой тип коллекционера, именно такой, каким я

себе представлял настоящего человека искусства. В его открытом лице, в больших, синих, немного выпуклых глазах, которыми он вращал, когда разговаривал, не было ничего затаенного, ничего лукавого. Я сразу понял, что тоже не сумею с ним хитрить и лукавить. Я вообще не умею хитрить и лукавить. И не желаю обманывать этого художника-работягу ради какого-то сноба и пижона Веэна.

Мастерская была довольно большой, но сама квартира маленькой. Я прошел через тесный коридорчик, загроможденный вешалками, шкафами, коробками. Из кухни доносился запах жареной трески, из второй комнаты — детские голоса. Это были дети Краснухина — Галя и Саша; они появились в мастерской, как только я вошел туда. Гале было лет семь, Саше — четыре, он сосал палец и пучил на меня глаза, такие же большие и синие, как у Краснухина, и он вращал ими так же, как отец. И у Гали были такие же большие синие глаза. Поразительно глазастая семья, честное слово!

Наглядевшись на меня, дети залезли на диван, стали прыгать, шуметь, кувыркаться. Краснухин, не глядя на них, говорил: «А ну марш отсюда!» Но они не обращали на эти слова никакого внимания, продолжали прыгать и шуметь. И самому Краснухину они, по-видимому, не слишком мешали. Или он просто такой добрый — не может их выгнать.

Краснухин не спросил, кто я и откуда, взял у меня спрута, рассмотрел.

— Что ты хочешь за него?

— А что у вас есть?

Краснухин повращал глазами.

— Мало ли что у меня есть…

Он отодвинул мольберты, за стеклом шкафа стояли нэцкэ. Много нэцкэ. У Веэна большой шкаф, и каждая нэцкэ видна, как на выставке. А здесь шкаф небольшой, и фигурки стояли тесно, в несколько рядов.

Перебирая нэцкэ и отыскивая ту, которую он собирался дать мне за спрута, Краснухин спросил:

— Давно собираешь?

— Нет.

— Знаком с настоящими коллекционерами?

— Так, с некоторыми…

Мои ответы были неуверенными, мне было стыдно врать. Краснухин внимательно посмотрел на меня. Тем временем Галя и Саша расшумелись на диване так, что мы с Краснухиным почти не слышали друг друга.

— Люда, забери их! — крикнул Краснухин.

В мастерскую вошла молодая женщина, тонкая и стройная, с прекрасным и измученным лицом, какое, наверно, и должно быть у жены настоящего художника: она и натурщица, и мать, и хозяйка в доме, где мало денег и много неприятностей.

Она позвала детей, и они покорно пошли за ней.

Краснухин поставил на стол несколько нэцкэ:

— Выбирай.

Ни одна нэцкэ мне не понравилась. Лебедь, черепаха, крыса, лягушка, кучка грибов, заяц… Наверно, Краснухин предлагал мне не лучшие нэцкэ — да ведь и спрут не многого стоил. И кроме того, мне нравились фигурки людей. Меня охватил азарт обмена, как будто я меняю нэцкэ для себя.

В эту минуту я понял, что коллекционирование — это страсть, игра и риск.

— Мне нравятся изображения людей, — сказал я.

Я показал на ярко раскрашенную фигурку клоуна в колпаке, широченных брюках, с красным, веселым, разрисованным лицом. Одна нога его была приподнята, он притопывал, приплясывал, излучал радость и веселье. Такую нэцкэ я бы взял с удовольствием.

Краснухин повращал глазами.

— Мало ли, брат, что тебе нравится. Ты, я вижу, не дурак.

— А вы знаете такую нэцкэ — мальчик с книгой? — спросил я.

Краснухин пристально посмотрел на меня.

— Откуда ты знаешь про нее?

— Читал.

— Это знаменитая нэцкэ, — сказал Краснухин, — лучшая из коллекции Мавродаки.

— Кто такой Мавродаки?

— Ты собираешь нэцкэ и не знаешь, кто такой Мавродаки?

— Не знаю, — признался я.

— Коллекция Мавродаки была лучшей в стране.

— Вы сказали Мавродаки?

— Мавродаки.

— А где он?

— Его уже нет.

Странный ответ. Что значит «его уже нет»? Умер? Тогда так и надо сказать: умер. Но по тому, как Краснухин это произнес, я понял, что он не хочет об этом говорить, и я только спросил:

— А коллекция?

— Исчезла.

— Совсем?

— Изредка появляются отдельные экземпляры, но из разных источников — коллекция разрознена.

— А фигурка мальчика с книгой?

— Не появлялась…

Он помолчал и задумчиво добавил:

— Такие великолепные произведения искусства, а их превращают в предмет спекуляции и наживы.

И посмотрел на меня так, будто именно я превращаю нэцкэ в предмет наживы и спекуляции. Не догадывается ли он, от кого я пришел?

— Ну как, обмен не состоялся? — спросил Краснухин.

— По-видимому, нет.

Какой мне смысл меняться для Веэна?

Опять, вращая глазами, он посмотрел на меня. Черт возьми, как он странно смотрит!

— Ладно, — широкой ладонью Краснухин сгреб фигурки со стола, — будет время — заходи.

17

Самое лучшее в плавании по реке — это отвал. Гремит музыка, река далеко разносит звуки радиолы, люди веселы и возбуждены. На палубе хлопочут матросы,

взбегают по трапам стюардессы; здесь свой, особенный, независимый плавучий мир. Сверкает на солнце белый теплоход. Речной вокзал, легкий, красивый, устремлен в небо. С реки дует прохладный ветерок, катера, хлопая днищем, вздымают белую пену бурунов. На меня пахнуло запахом реки, и мне снова захотелось прокатиться по ней… Не так уж это скучно, в конце концов. Берега, пристани, деревни, города, рыбаки, створы, шлюзы, бакены…

Но я не могу ехать — у меня Зоя. На кого я ее оставлю? На пижонов, которые толкутся у прилавка? Или на Шмакова Петра, который увязался за мной в Химки и сейчас, как и я, стоит на причале.

Вот за своих стариков я рад. Будут сидеть на палубе, папа будет играть в преферанс. Иногда и мама будет играть, но без папы: вместе они не играют, поссорились как-то во время игры и с тех пор играют отдельно. Будут покупать на пристанях огурцы и помидоры, и свежую сметану, и живую рыбу, если попадется, и арбузы, и дыни…

Они славные старики, мои родители. Вся их жизнь в труде. Папа целый день на заводе, мама в издательстве. Она корректор, читает рукописи и верстки, выискивает в них ошибки. Они рады малейшему развлечению: гостям, театру, всяким дням рождения, всяким там новогодним подаркам и сюрпризам. Мне эти радости кажутся не слишком значительными, но, если разобраться, каждый развлекается по-своему, у каждого свой вкус и свои пристрастия. Им, например, не нравятся некоторые отличные, на мой взгляд, современные молодые поэты, писатели и художники. Я их за это не осуждаю, но некоторый консерватизм налицо. Их интересы несколько ограничены рамками мира, в котором они работают, они не решают общих вопросов жизни. А человек, как там ни говори, должен выходить за сферы своего индивидуального существования.

Прощаясь, папа говорит свое обычное: «Будь человеком!» Так он говорит всегда, прощаясь: «Будь человеком!» Другие, может быть, этого не понимают, а мы с ним хорошо понимаем. Будь человеком, и все! И это лаконичное «будь человеком» производит на меня большее впечатление, чем предупреждения о газе и мусоропроводе.

Но когда мама поцеловала меня, провела рукой по моей щеке и тревожно заглянула мне в глаза, я чуть не заревел, честное слово! У кого это сказано: «…матери моей печальная рука»?.. «Звезда полей над отчим домом и матери моей печальная рука». Это Бабель сказал, вот кто! У Бабеля в «Конармии» эти строчки.

Опять гремела музыка, все махали платками. Теплоход отдалялся, иллюминаторы на нем становились совсем крошечными, потом и люди стали крошечными, они продолжали махать, но лиц их уже не было видно.

К этому событию Шмаков Петр отнесся спокойно. Не его родители уехали, а мои. Но когда уезжают его родители, он тоже невозмутим. Его родители то в Индии, то в Египте: они энергетики или гидростроители и работают на Востоке. Шмаков Петр привык к тому, что они все время уезжают, относится к этому чисто практически. И как только теплоход скрылся из глаз, задал мне практический вопрос:

— Сколько тебе отвалили?

— Тридцать.

Он произвел в уме какие-то вычисления и сказал:

— Пятнадцать ре свободно можешь прогулять.

В ответ я промолчал. Не стану же я докладывать Шмакову свой бюджет. Какое, спрашивается, ему дело!

— Посидим в ресторации, — предложил Шмаков, — я еще никогда здесь не был.

— Я уже пообедал.

— Что значит пообедал? Я тебе не обедать предлагаю, а поесть стерляжьей ухи. Ты ел когда-нибудь стерляжью уху?

— Я сыт.

— Стерляжья уха — это не еда, это деликатес. Идиотство — быть в Химках и не поесть стерляжьей ухи. Кретином надо быть. Стоит самое большее три с полтиной. Вернемся домой, я тебе свою половину отдам.

— Ты отдашь!!!

— Чтобы мне воли не видать.

— Не хочу.

— И после этого называешь меня жмотом? Сам ты жмот.

Ничего нет неприятнее обвинения в скупости. Но зачем мне эта дурацкая стерляжья уха? Пижонство!

— Нет, нет и нет, — решительно сказал я, — пойдем на пляж, искупаемся.

— Я есть хочу.

— Не умрешь.

На пляже я купил плавки с карманчиком на «молнии» и вышитым якорем. Зое будет приятно появиться со мной на пляже, если на мне будут такие шикарные плавки. Если бы Шмаков Петр уговорил меня пойти в ресторан, я бы эти деньги все равно прожрал. Я их чудом отстоял: ведь от Шмакова невозможно отвязаться.

Такие плавки могут быть только на хорошем пловце или прыгуне в воду. Плавал я неплохо, а прыжками в воду надо будет заняться. Мы приходим с Зоей на пляж, она сидит рядом со мной, восторгается теми, кто прыгает в воду, а я молчу. Молчу, молчу, а потом этак небрежно поднимаюсь на вышку и хоп — прыжок ласточкой! Хоп — двойное сальто с оборотом! Хоп — обратное сальто с переворотом!.. Зоя рот разинет от удивления. Как здорово, что я купил плавки, не потратил деньги на идиотскую стерляжью уху. Недоставало идти на поводу у такого низменного инстинкта, как чревоугодие. Надо есть простую, здоровую пищу. От излишества развивается подагра, склероз и всякая такая муровина.

— Эх, ты! — простонал Шмаков Петр. — Что такое плавки? Яркая заплата на ветхом рубище пловца. А так пожрали бы стерляжьей ухи. Теперь самый стерляжий сезон, самый стерляжий лов.

— Нашелся гастроном, — сказал я насмешливо, — стерляжьей ухи ему захотелось. Может быть, тебе ананасы подать? Ананасы в шампанском? Кофе-гляссе!

— Слушай, — перебил меня Шмаков, — а ты, оказывается, ездил с Зоей на пикник?

Вопрос застал меня врасплох.

— Да, были…

— Со своей бражней?

— В компании были.

— Почему мне не сказал?

— А где тебя было искать? Меня самого позвали. Прокатились, покупались, шашлыков поели…

Я говорил совсем не то, что хотел, не то, что надо было… Надо было прямо сказать: мы с Зоей любим друг друга, встречаемся и будем встречаться. Но у меня не поворачивался язык это сказать, я не мог огорчить Шмакова Петра таким сообщением.

И между нами не принято говорить про любовь: Шмаков начнет смеяться, а я не хотел, чтобы он смеялся над этим, сделал бы это предметом своих глупых шуток.

И я ничего не сказал Шмакову Петру, хотя было самое удобное время сказать. А я мямлил. Боялся, что Шмаков встанет и уйдет. Будет топать пешком от самых Химок — денег у него, как всегда, нет. Если я это допущу, буду последним гадом. Тем более, он из-за меня сюда приехал.

— А шашлыки были хорошие? — спросил Шмаков.

Ну, Шмаков! Тоскует о шашлыках. Все! Теперь я ему ничего не обязан рассказывать.

Шмаков зевнул.

— Надо сегодня зайти к Зойке, пригласить ее в киношку.

У меня сердце оборвалось: я сам собирался пригласить Зою сегодня в кино. Надо было мне сказать это раньше, а теперь первым сказал Шмаков и, следовательно, имеет право первым пригласить ее.

— Между прочим, я сегодня тоже собирался пойти с ней в кино.

— Красота! Возьмешь билеты на троих.

— Почему я должен брать билеты на троих?

— Ты при деньгах.

— Мы собирались пойти вдвоем.

— Думаю, она пойдет все же со мной, а не с тобой, — объявил Шмаков.

— То, что ты целыми днями отираешься у ее прилавка, еще ничего не доказывает. Отираться у прилавка может всякий. Она пойдет именно со мной.

— Мальчик, куда ты лезешь?

— Имею основания так предполагать.

— Может быть, спросим у нее самой?

— Хоть сейчас.

Мне уже не было жалко Шмакова Петра. Уж слишком вызывающе ведет себя.

…Зоя стояла за прилавком и разговаривала с высоким парнем. И по тому, как парень небрежно облокотился о прилавок, как Зоя с ним разговаривала, смеялась и улыбалась, было ясно, что это не просто покупатель, даже вовсе не покупатель: покупателям Зоя не улыбается. Странно! Какой-то верзила расположился возле Зои, как у себя дома, заливается, треплется, видно, болтун из болтунов. А нам Зоя хотя и кивнула, но довольно сдержанно, даже небрежно, как далеким знакомым.

— Что за фрукт? — спросил Шмаков Петр.

— Брат, — ответил я, не задумываясь.

— У нее есть брат?

— Даже три, — объявил я, окончательно подавив Шмакова своей осведомленностью. — Как поступим?

— Что ж, при брате, неудобно при брате.

— Мне лично все равно, могу и при брате.

— Неудобно, — повторил Шмаков, — отложим.

— Если ты этого хочешь, пожалуйста, — согласился я.

18

Полная неожиданность. Веэн остался мной доволен. Ходил по комнате, потирал руки и говорил Косте и Игорю:

— Я не ошибся в Кроше. Клоун у Краснухина, понятно… А мальчика с книгой нет?

— Я не видел.

Костя и бровью не повел.

— У тебя есть возможность еще раз проверить, — сказал Веэн, — пойдешь к нему с другой нэцкэ. Контакт установлен. Зачем Краснухину нэцкэ? Он художник, а не коллекционер, должен создавать, а не собирать.

— Он хороший художник? — спросил я.

Веэн состроил гримасу:

— Не без дарования, но оригинальничает, мне приходилось о нем писать. Принципы достойны уважения, но нереализованное искусство — не искусство. Талант требует признания, иначе он хиреет.

— Разве нет художников, получивших признание после смерти? — спросил я.

— Таких художников нет, — категорически объявил Веэн. — После смерти можно получить большее признание, но, не получив при жизни никакого признания, не получишь его и после смерти.

— Но он еще сравнительно молодой.

— Как сказать… Он окончил институт, вернувшись с фронта. Впрочем, как художник он нас интересует меньше всего. Нас интересует его нэцкэ. Он не собиратель, собиратели — мы. Каждая коллекция — эпоха, каждый великий художник — эпоха. Если мы сумеем собрать все имеющиеся у нас в стране работы Мивы-первого, Ядзамицу, Томотады, Мадзанао — это будут коллекции мирового класса.

— Возможно, Краснухин тоже составляет коллекцию, — предположил я.

— Краснухин собирает между прочим, — с раздражением ответил Веэн, — а для меня это — главное дело жизни. Чем выше цель, тем больше прав у человека на любые средства в этой борьбе. Или Краснухин завладеет моими коллекциями, или я завладею нэцкэ Краснухина, нэцкэ других любителей (Веэн произнес это слово с презрением) и создам одну из величайших коллекций в мире. Моральное право на моей стороне. А ты как думаешь? — неожиданно спросил он меня.

— Я плохо разбираюсь в этом, — ответил я уклончиво.

— Будешь разбираться! Пошел в библиотеку, познакомился с литературой — это мне нравится, это серьезный подход к делу.

Эти слова были адресованы Игорю и Косте, но они сделали вид, будто это относится вовсе не к ним.

— Но того, что есть у меня, ты не найдешь ни в одной библиотеке, — продолжал Веэн. — У меня есть все, что вышло о нэцкэ на любом языке. Вышло не так много. Капитальное исследование впереди.

Это было сказано тоном, показывающим, что именно он, Веэн, напишет капитальный труд о нэцкэ.

Я неизмеримо вырос в глазах Веэна, в глазах Игоря и Кости. И все из-за того, что перелистал несколько книг о нэцкэ. Естественное дело — познакомиться с вопросом, которым ты занимаешься. Но на них это произвело большое впечатление, подняло мой авторитет. Я стал полноправным членом их компании. Испытательный срок прошел. Я выполнил самостоятельное поручение, выполнил удачно, обнаружил серьезный подход к делу.

Костя молчал. Из-за того, что он передал Веэну наш разговор об отчиме, я стал относиться к нему холодно. Он это, видимо, чувствовал и потому молчал.

Игорь, правда, пытался протолкнуться со своими насмешками. Мол, Крош серьезный человек, склонен к исследовательской работе. Но шуток его никто не подхватил, и он заглох.

Веэн вынул из шкафа нэцкэ:

— Пойдешь к Краснухину вот с этим.

Это была большая пуговица с изображением бамбука. Видно было, что бамбук сейчас упадет, доживает последние минуты. Чем достигалось такое ощущение — не могу сказать. Вероятно, расположением колец, их особенным рисунком, выражавшим последние судороги ствола, который только что был живым и стройным. Поразительное искусство — эти нэцкэ, могучие художники их создавали.

— Это уже что-то, — говорил Веэн, любуясь нэцкэ. — Краснухин ее, несомненно, знает. Меняться будешь только на Миву-первого. Пусть покажет, что у него есть, так мы и выясним его коллекцию… Кстати, Крош, как у тебя с деньгами?

— У меня есть.

— Ты ведь теперь один, — улыбаясь, сказал Веэн. — Если оскудеешь, приходи. Тарелка супа всегда найдется.

Мы вышли от Веэна: я, Костя, Игорь.

— Кто куда, а я в парикмахерскую, — сказал Игорь.

— В какую? — спросил я.

— В салон, где еще можно прилично постричься! — Он критически осмотрел мою голову. — И тебе не мешает.

Я сам знал, что не мешает. Но я не решался идти один в салон, не знал, какие там правила. А с Игорем можно, Игорь знает все правила.

— Я стригусь у Павла Ивановича, — сказал Игорь, — знаю всех мастеров, и все мастера знают меня. Посажу тебя к специалисту, метнешь ему полтинник.

— Встретимся, как договорились, — сказал Костя.

— Ку-ку, — ответил Игорь.

Как они договорились, я не стал спрашивать — не хотел первый заговаривать с Костей. Что касается «ку-ку», то у Игоря оно означало «до свидания».

Возможно, Игорь знал всех мастеров в салоне, но знали ли все мастера его самого, я не был уверен. Это была совсем не такая парикмахерская, как у нас на углу: зеркала во всю стену, кресла массивные, вращающиеся, пахло хорошим одеколоном. Мастера — пожилые, важные, похожие на профессоров — работали молча, а если и перебрасывались словами, то вполголоса.

У моего мастера был такой неприступный и строгий вид, что я боялся пошевелиться. Он меня о чем-то спросил, я не разобрал, что именно, а переспросить постеснялся. Пусть делает что хочет, он лучше меня знает, что делать. И я неопределенно протянул «ага».

Стриг он меня раза в три дольше, чем в нашей парикмахерской. Откидывался назад, смотрел: снова стриг, заходил с разных сторон, смотрел, стриг, смотрел. Потом помыл мне голову, высушил под электрическим аппаратом, смочил одеколоном и сделал повязку.

Принесли прибор для бритья. Я еще ни разу не брился. На щеках у меня пушок, небольшой, но довольно противный; иногда мне кажется, что именно из-за него девушки относятся ко мне несерьезно. И мелкие дурацкие прыщики. Папа говорит, что

они пройдут с возрастом. В нашей парикмахерской меня спрашивают, хочу ли я побриться, а здесь мастер ничего не спросил, взял и побрил. Потом сделал компресс, потом массаж, опять компресс, спрыснул одеколоном, помахал салфеткой, вытер мне морду и пристально посмотрел, решая, что еще можно сделать. Делать было больше нечего.

Я посмотрел на себя в зеркало. Прическа была что надо! Но оттого что меня побрили впервые, кожа на висках, щеках и подбородке была неестественно белая: кругом кожа загорела, а под пушком она не загорела и теперь выделялась. И в эту минуту я понял петровских бояр, которые, после того как им сбрили бороды, жаловались, что лица у них стали босые.

Я уплатил в кассу рубль восемьдесят копеек вместо двадцати копеек, которые плачу обычно у нас, на углу, — не каждый день стрижешься в салоне. Смущало другое: как я метну мастеру полтинник сверх счета. Ужасно стыдно и неудобно. Мастер может возмутиться, ведь это унизительно — брать чаевые.

Смущаясь и краснея, я протянул ему вместе с карточкой полтинник. Спокойным, полным достоинства движением мастер, похожий на профессора, опустил полтинник в карман белого халата.

19

— Теперь ты похож на человека, — сказал Игорь. — Ты метнул?

— Да. Ужасно было неудобно.

— Се ля ви, — заметил Игорь философски. И еще более философски добавил: — Не мешает выпить по чашке кофе. Если где и можно выпить кофе, то именно здесь.

И он показал на кафе рядом с салоном.

Я еще никогда не был в этом кафе, но знал, что там собираются поэты, художники и артисты.

В кафе нас ожидал Костя. Я внимательно рассмотрел посетителей, но ни одного известного актера, поэта или писателя не увидел.

— Веэн человек эрудированный, — начал Игорь, — но человек сложный… — Он многозначительно посмотрел на меня: — Разговор между нами?!

— Конечно.

По тому, как Костя молчал, я понял, что разговор не случаен, они зазвали меня сюда нарочно. Что ж, пожалуйста, интересно…

— Ты наш товарищ, — продолжал Игорь, — и мы обязаны тебя предупредить. Веэн собирает нэцкэ вовсе не из возвышенных соображений. Это его бизнес. И он пишет исследование, которое даст ему докторскую.

— Что из этого следует?

— А то, что Веэн человек коммерческий. И мы у него тоже делаем свой небольшой бизнес. И только. А ты строишь идеалиста, отказываешься от гонорара. Веэну, конечно, выгоднее иметь дело с простофилей.

— Сбиваю вам цену?

— Зачем так грубо? — поморщился Игорь. — Ты проявляешь излишнее рвение, странную наивность… Библиотека, книги — зачем это тебе? Получай свои талеры и живи!

— А если талеры мне не нужны?

— Зачем же ты влез в дело?

— Так получилось.

— Так ничего не получается. Я отлично помню твой первый разговор с Веэном. Он сказал, что дело идет о заработке. Сказал?

— Допустим.

— Знал, на что идешь?

— А если нэцкэ заинтересовали меня сами по себе?

— Это — твое личное дело. Но в отношениях с Веэном изволь исходить из наших общих интересов.

— Ты напрасно меня пугаешь.

— Никто тебя не пугает, — не глядя на меня, протянул Игорь, — но мы не хотим, чтобы тебя постигло разочарование.

— Ах как трогательно!

— С тобой трудно разговаривать, но наберемся терпения. Что такое Краснухин? Краснухин одаренный художник. Я не все принимаю в его творчестве, но он художник прогрессивный — это бесспорно.

Мне стало смешно: Игорь чего-то там не принимает в творчестве Краснухина. Потеха!

— Я думаю, Краснухин это переживет.

— Что именно? — сощурился Игорь.

— То, что ты не все принимаешь в его творчестве.

— Шутки оставим на потом!

— Давай ковыляй дальше!

— Так вот, Веэн раздолбал Краснухина не по каким-то там идейным соображениям, а потому, что это было выгодно для его карьеры… В душе он сноб, все ему до лампочки, кроме нэцкэ, картин и коммерции. Поэтому он сам не идет к Краснухину, посылает тебя. А ты принимаешь это всерьез, даже отказываешься от гонорара. А когда ты разберешься, то потеряешь веру в человечество. А мы не хотим, чтобы ты терял веру в человечество.

— Если все это так, зачем вы помогаете Веэну? — спросил я.

— Чудак! Мы ему помогаем собирать нэцкэ — честное, законное дело. Каждый зарабатывает как может, иногда и не слишком приятным способом. — Игорь кивнул на официанта. — Возможно, ему импонирует его должность, а мне нет. Я не хочу подавать кофе, я хочу, чтобы мне подавали.

— В обществе нужны и официанты. Всякая работа почетна.

— Крош, без романтики. Век романтики кончился, наступили суровые будни. Человек работает ради заработка. Я имею в виду честный заработок.

— Взять у старухи настоящую нэцкэ и заплатить как за копию — честно?

— Что — старуха! Без этого нет собирательства. Веэн объяснил это тебе довольно популярно. На одном собиратель выигрывает, на другом проигрывает.

— Обманывать художника Краснухина честно?

Игорь передернулся.

— Зачем так упрощать! Художника Краснухина никто не обманывает, он пользуется уважением моих друзей, и я не позволю его обманывать. Другое дело Краснухин-собиратель; здесь действуют законы иной сферы. Думаешь, Краснухин меньше Веэна разбирается в нэцкэ? Не беспокойся, он не даст себя обмануть. Произойдет обмен, выгодный для обеих сторон.

— Веэн-карьерист раздолбал Краснухина — это честно?

— Какое мне до этого дело! — воскликнул Игорь. — Сегодня Веэн раздолбал Краснухина, завтра Краснухин раздолбает Веэна. Сегодня правы одни, завтра другие. Я не касаюсь их споров и дискуссий, мне наплевать и на формалистов, и на натуралистов, пусть дерутся, если им охота! Мне нужны деньги, и я нашел свой честный заработок.

— Ах, ты будешь стекляшки собирать, а ишачить на тебя будет дядя? Этот официант будет бегать взад-вперед, а ты будешь кейфовать?

— Если у него только на это хватает мозгов…

— Неизвестно, у кого мозгов больше.

— Параноик какой-то, клинический случай, — пробормотал Игорь. — Чего ты орешь!

— Я не ору, а говорю. Кроме денег, существуют еще принципы.

— Пошел, пошел, — сморщился Игорь. — «Принципы»… Где ты их видел, где встречал? Это все умершие категории, их давным-давно отменили. Каждый устраивается как может. Ты стал очень идейным, с чего бы это?.. Ладно! Намерен ты работать с Веэном на тех же условиях, что и мы?

— Я вообще не намерен работать с каким-то прохвостом Веэном. — Я вынул из кармана нэцкэ бамбук и положил на стол. — Можете вернуть ее Веэну, я не желаю больше иметь с ним дело. А вы можете продолжать, если нравится.

Костя, который до этого не проронил ни слова, кивнул на нэцкэ:

— Убери со стола.

— Она мне не нужна.

— Веэн дал ее тебе, ты и возвращай. Никто за тебя не обязан это делать.

Это логично. Я положил нэцкэ в карман.

— Что ты скажешь Веэну? — спросил Костя.

— Я нанимался к нему?

— Ты в курсе его дел, пил, гулял на его счет… Так просто не бросают.

— Я закабалился? Крепостное право отменено сто лет назад.

Костя посмотрел на меня своим холодным взглядом.

— Ты оставишь Веэна, когда и мы с Игорем его оставим.

— Я оставлю Веэна, когда сочту это нужным.

— Не пожалей потом!

— Угрозы и запугивания прибереги для кого-нибудь другого, — ответил я. — Ты боксер, но это не так страшно. Не всегда можно добиться кулаками, во всяком случае не у меня.

— Бросьте, ребята, — примирительно сказал Игорь.

Костя не сводил с меня холодного, угрожающего взгляда. Но мне нисколько не было страшно, я его ни капельки не боялся. Он боксер, но здесь не ринг, здесь дерутся не по правилам, а не по правилам и я умею. И не верилось, что Костя полезет драться, ведь я как-то подружился с ним, чем-то он был даже мне дорог, мне было жаль оставлять его в этой компании. И я спокойно сказал:

— Вы никогда не заставите меня делать то, чего я не хочу. Я верну эту нэцкэ Веэну, и с ним все кончено.

— Ты дал слово, что разговор останется между нами, — напомнил Игорь.

— Не беспокойтесь, я не передаю чужих разговоров, как некоторые.

Я выразительно посмотрел на Костю.

— Что ты на меня так смотришь? — спросил он.

— Смотреть нельзя?

— Кто эти «некоторые»?

— Эти «некоторые» сами знают, что они «некоторые».

— На кого ты намекаешь?!

— Мы говорили с тобой о твоем отчиме. Зачем ты передал этот разговор Веэну?

Костя изумленно смотрел на меня.

— Мы с тобой говорили лично, — продолжал я, — а ты передал Веэну. Зачем?

— Я ему ничего не передавал, — возразил Костя. — Веэн у меня спросил: «Знает Крош, что у тебя отчим?» Я ответил: «Да, знает».

— А мне Веэн сказал по-другому: будто я проболтался про твоего отчима. В вашей компании каждое слово перевирается и перетолковывается, а я к этому не привык. И не желаю привыкать. С вами запутаешься: тот сказал то-то, этот передал так-то… Ну вас к черту! Кончим на этом. Только у меня есть один вопрос: вам известна такая фамилия — Мавродаки?

— Мавродаки? — повторил Игорь. — Греческая фамилия… Нет, не знаю. Кто он?

— А ты? — спросил я у Кости и сразу осекся…

Костя так странно смотрел на меня, что я даже испугался, честное слово!

— Откуда ты знаешь эту фамилию? — спросил он глухо.

— Слыхал.

— Так вот, — сказал Костя, — забудь ее. Навсегда. И никогда нигде не вспоминай. Понял?!

20

Первым моим побуждением было пойти к Веэну и вернуть ему нэцкэ бамбук. Но вернуть ему ее значило отрезать себе дорогу к Краснухину — единственному человеку, который может пролить свет на это загадочное дело.

Почему Костя побледнел при упоминании о Мавродаки? Запретил произносить его имя? Откуда у него фигурка мальчика — лучшая нэцкэ из коллекции Мавродаки? Почему он скрывает это от Веэна?

Надо подумать. Решу завтра. Тем более уже конец дня и надо успеть пригласить Зою в кино.

Я заехал в «Ударник» и купил билеты. Билеты производят на девчонок магическое действие — я много раз замечал. Когда нет билетов, то неизвестно, достанем ли мы их, и на какой сеанс, и на какую картину, и где будем сидеть — все неопределенно, эфемерно, неясно. А когда билеты на руках — все ясно, определенно, точно.

И действительно, увидев билеты, Зоя сказала:

— Жди меня на выходе.

— Билеты на семь тридцать, — предупредил я.

— Успеем.

Я стал прохаживаться возле дверей магазина, с беспокойством поглядывая по сторонам: каждую минуту из-за угла мог появиться Шмаков Петр или верзила — Зоин брат. Из магазина выходили девушки-продавщицы, наконец появилась и Зоя. На моих часах было семь восемнадцать. Бежать до метро, потом от метро до кино — значит наверняка опоздать. На наше счастье, у магазина остановилось такси. Мы вскочили в него. В зал мы вбежали, когда уже потушили свет.

Картина была про служебную собаку-ищейку, о том, как ее обучают ловить преступников. Конечно, преступников надо ловить, но ведь ищейку можно натравить и

на порядочного человека; все зависит от проводника: прикажет он собаке перегрызть вам горло — она не задумываясь это сделает. В сущности, злобное существо. Вот чеховская Каштанка, или Муму, или Белый Клык — это совсем другое, это настоящие друзья человека.

И еще не понравились мне плоские шутки вроде той, что в присутствии начальства собака тоже нервничает, и тому подобные аналогии между собакой и человеком. Как будто из собачьей жизни можно делать выводы для жизни человеческой.

А Зоя переживала, смеялась, мои доводы были ей непонятны. «Что ты говоришь! Такая славненькая собачка, не выдумывай, пожалуйста…»

Но картину мы обсудили уже после сеанса. А во время сеанса я думал о том, как мне взять Зоину руку в свою. Зоя, не отрываясь, смотрела на экран. Я видел ее милый профиль и кудряшки на лбу, просто очаровательная девчонка. Я чувствовал ее плечо рядом с собой, но никак не мог взять ее руку в свою. Если бы на подлокотнике лежала ее ладонь, то я бы это мог сделать запросто, но на подлокотнике лежал ее локоть.

Но тут, к счастью, произошел самый драматический эпизод в картине — преступник выстрелил в собаку. «Он убьет ее!» — в страхе прошептала Зоя и сама схватила меня за руку. Я, уж конечно, не отпускал ее до конца сеанса. Это был единственный стоящий эпизод в картине, но он, черт побери, произошел перед самым концом.

А вот уже на улице я начал критиковать картину. Зоя не согласилась, даже рассердилась на меня. Я поступил как дурак: приглашая Зою, хотел доставить ей удовольствие и сам же это удовольствие испортил. Надо же быть таким ослом! Можно было не хвалить картину, но зачем было ее ругать?

На улице накрапывал дождик. Зоя предложила ехать на такси. И я отвез ее на Таганку, в Товарищеский переулок.

— Хочешь пойти завтра опять в кино? — спросил я, прощаясь.

— Каждый день ходить в кино? А что дома скажут? — засмеялась Зоя.

— Тогда поедем в воскресенье в Химки.

— В воскресенье я работаю.

— В понедельник.

— До понедельника далеко, — ответила Зоя и опять почему-то засмеялась.

Я застал Краснухина на этот раз за письменным столом. С озабоченным лицом он что-то писал. Так же тесно было в темном коридоре, только пахло не жареной треской, а только что вскипяченным молоком. И не было видно ни Гали, ни Саши, не было слышно их голосов — наверно, ушли куда-то с матерью, оставили Краснухина одного.

— Хорошая нэцкэ, — сказал Краснухин про бамбук. — Не знаю, сумею ли предложить тебе взамен что-либо равноценное. Вот если только стрекозу…

Он достал из шкафа большую плоскую пуговицу не то из дерева, не то из рога. На ней была выгравирована стрекоза — легкая, прозрачная, стремительная.

— Нэцкэ того же мастера, что и твой бамбук. Оцени их в антикварном, а там решим.

— Вы не боитесь, что я с ней убегу?

Он повращал глазами:

— Ты вор?

— Но ведь вы меня не знаете.

Краснухин опять начал писать. Видно, писал что-то срочное. А я ему мешал.

— Я вас долго не задержу, — сказал я. — В прошлый раз вы сказали, что коллекция Мавродаки исчезла в конце сороковых годов. Куда же она могла деться, ведь это было после войны. В войну многое потерялось, но после… Куда она могла исчезнуть? И куда исчез сам Мавродаки?

— Мавродаки покончил с собой в сорок восьмом году. Ты какого года?

— Сорок восьмого.

— В сорок восьмом его и не стало.

— Вы его знали?

— Он был нашим профессором, — ответил Краснухин, морща лоб и продолжая писать.

— А семья, родственники?

— У него не было семьи. Все это случилось неожиданно. Была статья в газете, потом собрание в институте… Он был добрый, знающий, но слабый человек, а время было сложное. — Краснухин встал. — Ну, друже, топай, некогда…

Я кивнул на бумаги:

— Что вы пишете?

— Все объясняемся, что, да почему, да как получилось… Ну, чеши!

— Последний вопрос, — торопливо сказал я, — а в какой газете была статья про Мавродаки?

Краснухин назвал мне газету. Сейчас она уже не выходит. Я хотел еще спросить, в каком номере газеты была эта статья. Но Краснухин хотя и добродушно, но решительно вытолкал меня за дверь.

21

Я испытывал некоторую робость, входя к Веэну. Постыдное чувство. Я не трус, но все же неудобно сказать человеку, что он прохвост. Особенно такому респектабельному господину, как Веэн. Тем более в момент, когда он к тебе расположен, хвалит и превозносит тебя. Он тебя хвалит и превозносит, а ты ему объявляешь, что он прохвост.

Веэн и сейчас выказывал мне полное расположение, улыбался, не поворачивался спиной, а если и поворачивался, то спина была не враждебной, а мягкой и дружелюбной.

— Был у Краснухина?

Я мог, конечно, ответить, что да, был, ничего подходящего не нашел, мог вернуть Веэну его бамбук, уйти и больше не приходить. Словом, мог порвать с Веэном без объяснений. Но это значило бы трусливо уйти от сложностей. Сделав так, я бы не уважал самого себя.

— Владимир Николаевич, больше ваших поручений я выполнять не буду.

Веэн стоял, наклонившись к книжному шкафу. Он обернулся и посмотрел мне в лицо:

— Почему ты не будешь выполнять моих поручений?

— Не хочу.

— Почему не хочешь?

— Не хочу, и все. Это мое дело, почему я не хочу.

— Это не только твое дело, это наше общее дело.

— Никто не заставит меня делать того, что я не хочу делать. Это ясно и понятно.

— Ты изменяешь нашей дружбе?

Я пожал плечами.

— Вы странно рассуждаете. Костя увлекается боксом — разве должны заниматься боксом его друзья? Я люблю прыжки в воду, но ведь мои друзья не обязаны тоже прыгать. Меня не привлекает собирательство, не интересуют нэцкэ, вот и все!

Насчет прыжков в воду я припустил — я еще только собирался ими заняться. Но как довод это было весьма удачно.

— Нэцкэ тебя не интересуют… — возразил Веэн. — Ходил в библиотеку, прочитал кучу книг, а сегодня вдруг «не интересуют». Нелогично, неубедительно. Я не оспариваю твоего права прекратить знакомство со мной. Но ты не можешь оспорить и моего права знать, чем это вызвано: с порядочными людьми так не прекращают знакомства.

Теперь я жалел, что пустился в объяснения. Веэн сильнее меня в софистике. Он стоял, прислонясь к книжному шкафу, смотрел мне в глаза, как человек, готовый честно ответить на любые вопросы, опровергнуть любые обвинения. Да и что я мог ему предъявить? Старуха со странствующими музыкантами, статья против Краснухина, которую я не читал. И я не мог сослаться на разговор с Игорем. Я очутился в дурацком положении. Надо было просто уйти, а я пустился в объяснения.

И тут меня осенила мысль: спрошу про Мавродаки. Веэн не может не знать такого крупного собирателя нэцкэ. И пока Веэн будет рассказывать про Мавродаки, я обдумаю, как поступить дальше.

— Владимир Николаевич, вы знали Мавродаки?

Наверно, я не сумею передать реакцию Веэна на мой вопрос. Только что, опираясь о книжный шкаф, стоял респектабельный искусствовед Веэн, в легком, элегантном костюме, спокойно и уверенно смотрел на меня… Теперь там стоял совсем другой человек, стоял, быть может, одну минуту, одну секунду, одно мгновение. Но это мгновение я запомнил. Я увидел взгляд, который тогда, на берегу реки, только почувствовал, — мгновенный, колючий и вместе с тем жалкий и обреченный взгляд. Впервые почувствовал я, что такое «мурашки забегали по спине». Слышал такое выражение, сам употреблял его, но как мурашки бегают по спине, я впервые почувствовал теперь, когда Веэн смотрел на меня.

Но мгновение прошло, и Веэн снова превратился в спокойного, респектабельного господина, каким был минуту назад, только, быть может, несколько более хмурого.

Он опустился в кресло, положил ногу на ногу, прикрыл глаза рукой.

— Кто тебе рассказал про Мавродаки?

— Краснухин.

— Что он тебе рассказал?

— Сказал, что был такой знаменитый коллекционер нэцкэ Мавродаки.

— Еще что?

— Больше ничего.

Из-за раздвинутых пальцев Веэн испытующе смотрел на меня.

— Ты сказал ему, что знаком со мной?

— Нет.

Некоторое время он молчал, прикрыв глаза рукой, потом сказал:

— Итак, Краснухин рассказал тебе про Мавродаки и после этого ты решил порвать со мной знакомство?

— При чем тут Мавродаки?

— Что же заставило тебя принять такое решение?

Мы вернулись к тому, с чего начали. Что я могу ему сказать? Он добивается правды, а правда заключается в том, что он прохвост, а сказать это неудобно.

Мне осталось только встать.

— Я пошел.

— Подожди!

Я опять сел.

— Тебе придется сказать правду.

— Что я вам скажу! — закричал я. — Мне не нравится все это, я не люблю тайн, не люблю секретов. Я не должен говорить Косте про его отчима, Краснухину — что пришел от вас, моим родителям — что выполняю ваши поручения, должен все время что-то скрывать, утаивать, выпытывать, узнавать. Я не привык к этому. И я путаюсь: что я должен говорить, чего не должен. Может быть, так нужно для собирательства. Но такое собирательство меня не привлекает.

— Я тебя понимаю, — сочувственно ответил Веэн. — Но разве я заставляю тебя лгать? Взрослея, мы все меньше делимся с родителями своими делами. Если тебе нравится девочка, вряд ли ты бежишь рассказывать об этом папе и маме, так ведь?

— Так.

А что я мог ответить? О Майке и Зое я не рассказывал и не собираюсь рассказывать.

— Что касается Краснухина, то поверь мне: он знает мою коллекцию лучше, чем я его. Он крупный специалист, хотя и дилетант. Он во многом дилетант, к сожалению. Он рассказывал тебе о Мавродаки, но сути дела он не знает, хотя и учился у него.

— Краснухин говорил, что была статья в газете, потом собрание…

— Было и это, — подчеркнуто небрежно сказал Веэн, — но главное в другом. Незадолго до этой трагедии Мавродаки женился. Он горячо любил свою жену, но она ушла к другому человеку, к его лучшему другу… Вот действительная причина того, что произошло. Все остальное — внешнее. Но это дело прошлое, давно забытое, а жизнь идет. Краснухин соревнуется со мной, я с Краснухиным, и ничего здесь предосудительного нет, законом это не карается.

Я не знал, что ему ответить. Голову сломаешь с этими собирателями!

— Возможно, вы и правы. Но лично я не хочу.

Не обращая внимания на мои слова, Веэн продолжал:

— Когда я просил тебя не говорить с Костей об его отчиме, мной руководило элементарное чувство деликатности: Костя болезненно переживает трагедию своего отца. Я тебе доверил — ты обвиняешь меня в том, что я толкаю тебя на ложь и обман. Не скрою — ты попал в нашу компанию не случайно: я хотел Косте такого друга, как ты. Его много обманывали, отсюда его угрюмость, замкнутость, вспыльчивость. Я надеялся, что общение с тобой сделает его более спокойным и уравновешенным. Я хочу, чтобы Костя стал настоящим человеком, — в этом я вижу свой долг; мне казалось, что дружба с тобой будет полезна ему в этом смысле. Мне казалось, что, узнав сложную судьбу Кости, ты захочешь мне в этом помочь. Ты отказываешься — очень жаль. Вот все, что я могу сказать: очень жаль.

Слушая Веэна, я вдруг подумал, что, наверно, болен раздвоением личности. Когда я думал о Веэне, факты доказывали, что он прохвост. Когда говорил Веэн, факты оборачивались по-другому, Веэн выглядел порядочным человеком. И в то же время (вот оно, раздвоение личности) я знал, что, как только выйду от Веэна, он снова будет

выглядеть в моих глазах прохвостом. И я твердо решил не дать уговорить себя.

Мне вдруг захотелось смеяться. Такое случается на уроке — ни с того ни с сего начинаешь смеяться. Все на тебя таращат глаза, не понимают, в чем дело, а ты давишься с хохоту. Нельзя, а ты не в силах удержаться. Сейчас тебя выставят из класса, а ты не можешь остановиться. Так было со мной сейчас. Нервное, что ли, черт его знает! Я смеялся, как кретин, даже слезы выступили на глазах.

Позже я сообразил, что это был нервный шок. Веэн пытался подавить меня своей волей — моя воля сопротивлялась; от такого напряжения и получился нервный шок. Стыдно! В любой ситуации надо сохранять спокойствие, невозмутимость, бесстрастие. Где-то я читал, что англичане носят с этой целью монокль в глазу, — мол, что ни случись, я и бровью не поведу. Англичане это здорово придумали, хорошая тренировочка. Но в наше время с моноклем в глазу будешь выглядеть полным шизиком. Надо придумать другую тренировку — выработать спокойствие, хладнокровие, невозмутимость, иначе выдашь себя в любую минуту, как выдал себя Веэн, когда я спросил у него про Мавродаки: ему изменили нервы, выдержки не хватило, вот что. Хвати у него выдержки, возможно, он убедил бы меня.

Веэн не удивился моему смеху, смотрел на меня и дожидался, когда я кончу смеяться. Я кончил смеяться так же внезапно, как начал. Вытер глаза и перестал смеяться.

— Что же будет дальше? — спросил Веэн. — Намерен ты дружить с Костей?

— С Костей дружить буду, а заниматься нэцкэ — нет, не буду.

По-видимому, я сказал это очень твердо. Веэн пристально посмотрел на меня:

— Это твое окончательное решение?

— Окончательное.

— Дело твое. Где нэцкэ бамбук?

Я опустил руку в карман и вынул обе нэцкэ — бамбук и стрекозу. Краснухин так торопился меня выпроводить, что я забыл вернуть ему стрекозу.

— А ну покажи, что это у тебя?!

Веэн внимательно рассмотрел стрекозу.

— Краснухин дал?

— Краснухин.

— Зачем?

— Дал.

— Забавная нэцкэ.

— Забавная.

— Надеюсь, ты мне ее оставишь?

— Как же я могу вам ее оставить?

Веэн вынул из шкафа фигурку, изображавшую крестьянина верхом на буйволе. Вечер, кончилась работа в поле, крестьянин возвращается домой, отдыхает, сидя верхом на буйволе, поет свою песню. Это была хорошая нэцкэ. От нее веяло тишиной, спокойствием, умиротворенностью свершенного трудового дня.

— Отдашь ему буйвола.

— А если он не захочет меняться?

— Поставишь его перед совершившимся фактом.

Я положил стрекозу в карман.

— Этого я не сделаю.

Некоторое время Веэн пристально смотрел на меня. Честное слово, мне казалось,

что он сейчас бросится отнимать у меня нэцкэ. От этих собирателей всего можно ожидать. Когда дело касается их коллекции, они становятся форменными психами.

Веэн не бросился отнимать у меня фигурку. Некоторое время он молчал, потом сказал:

— На твой паспорт сдана нэцкэ в антикварный, кажется музыканты… Если она продана, надо получить деньги.

— Дайте квитанцию, я пойду получу.

— Я удивился тому, что от тебя приняли ее на комиссию. При получении денег они обязательно потребуют, чтобы пришли твои родители.

— Мои родители в отъезде.

— Приедут.

Мне не слишком хотелось, чтобы об этом узнали мои родители, — зачем им знать какой-то случайный эпизод моей жизни? Тем более, что я последний раз встречаюсь с Веэном. Но Веэн меня шантажирует, хочет воспользоваться этой злополучной квитанцией. Ну и черт с ним! Я сам все расскажу своим старикам. Конечно, мне не хочется их огорчать. Я всегда предпочитаю, чтобы со мной случилось что-либо плохое, а не с ними. Если у человека и бывает тревога, то именно за близких ему людей. Когда я представляю себе какие-нибудь опасные ситуации: нападение бандитов, например, или стихийное бедствие — землетрясение, наводнение, мне становится беспокойно прежде всего за моих стариков. И хоть мой папа гораздо сильнее меня, я беспокоюсь за него больше, чем за себя. И все же лучше неприятное объяснение с отцом и матерью, чем вязнуть дальше в этой истории. Лучше признаться в плохом, чем продолжать его.

— Хорошо, — сказал я, — когда вам понадобится получить деньги за музыкантов, я это сделаю.

22

Утром ко мне явился Игорь.

— Дрыхнешь, старик?

— Лежал, читал.

— Бальзак… — Игорь повертел в руках книгу, потом положил. — Архаика, каменный век… Как ты сквозь это продираешься?

— Продираюсь.

— Бесконечные описания, никому не нужные детали, занудство, недержание мысли.

— Зато какие мысли!

— Писатель не должен высказывать своих мыслей: рассуждения автора мешают читателю думать самому.

— Все зависит от количества серого вещества в мозгу, — возразил я. — Меня лично мысли Бальзака поражают своей глубиной. И какие страсти, какие образы! Растиньяк! Или Вотрен — могучая фигура!

Игорь снисходительно улыбнулся:

— Мелодрама, провинциальный театр, буффонада, страсти-мордасти… В сущности, единственная тема Бальзака — деньги, как делать деньги.

— Не просто деньги, а разрушительная сила денег в обществе, которое…

— Общество здесь ни при чем, — поморщился Игорь так, будто мои рассуждения доставляют ему физическую боль. — В любом обществе деньги — главная сила, и не

будем закрывать на это глаза… Кстати, о деньгах. Веэн велел получить с тебя должок.

— Какой должок?

— Пятнадцать талеров.

— Какие пятнадцать талеров?

— Два с полтиной — шашлычная, помнишь? Еще два с полтиной — транспортные расходы. Костя за тебя платил десять — пикник. Итого пятнадцать.

— Но ведь ты сказал — на пикник по пятерке, — только сумел пролепетать я.

— Да, с носа. А кто должен платить за твою даму?

— Но почему именно сейчас?

— Старик, никто не наступает тебе на горло, ни тебе, ни твоей песне. Зайди к Веэну и договорись, он пойдет тебе навстречу.

Я вынул деньги и молча отсчитал пятнадцать рублей. Все ясно! Они хотят, чтобы я пришел с повинной, но я не приду с повинной.

— Сразу видно делового человека, — проговорил Игорь с кислой миной. Не ожидал, что я отдам деньги.

— Сразу видно мелкую душонку, — ответил я.

— Ты о ком?!

— О Веэне.

— Зачем так грубо…

— И за тебя я рад. Наконец ты нашел свое истинное призвание. Из тебя получится отличный сборщик налогов.

— Старик, есть вещи, за которые бьют по морде!

— Ах так! — воскликнул я. — Ты хочешь получить и этот долг?

Здесь я должен рассказать про эпизод, с которого начал записки, — за что Шмаков стукнул Игоря в подбородок. Я должен был стукнуть, но Шмаков стоял ближе и опередил меня. Схлопотал же Игорь за то, что не закрыл дверь лифта. Стоял на площадке восьмого этажа, трепался с Норой, а лифт его дожидался. Жильцы выходили из себя: лифт месяц не работал, теперь работает, а ехать нельзя, изволь дожидаться, когда Игорь перестанет трепаться с Норой. Мы со Шмаковым Петром стояли внизу и дожидались, чем кончится эта заваруха, было ясно, что ничем хорошим она не кончится. И когда Игорь наконец спустился и вышел во двор, мы ему заметили, что не следует быть эгоистом. Он ответил чересчур пренебрежительно и схлопотал в подбородок. От Шмакова Петра. И если бы не вмешался Веэн, то и от меня схлопотал бы. Об этом я сейчас ему и напомнил.

— После такого разговора мы вряд ли будем продолжать знакомство, — объявил Игорь высокомерно, впрочем делая шаг назад.

Я распахнул входную дверь.

— Сае нара!

По-японски это означает «до свидания». Но у меня оно прозвучало как «Позвольте вам выйти вон!».

Здорово я показал Игорю на дверь, классический жест! «Позвольте вам выйти вон!» Отлично сработано! Отбрил я их, мелкие, ничтожные душонки. Думали купить меня за пятнадцать рублей, кусочники несчастные!

Конечно, моему бюджету они нанесли сокрушительный удар. Интересно, сколько у меня осталось? Страшновато подсчитывать, но надо смотреть правде в глаза.

Я обалдел: шесть рублей — вот все, что у меня осталось. На что же я буду жить? И куда я столько профукал?

Пятнадцать — Веэну. Крепко он меня подрубил! И не следовало отдавать — ведь я выполнял его поручения. Но поздно думать об этом, надо смотреть правде в глаза…

Итак, пятнадцать рублей Веэну… И почему все сразу? На худой конец, мог бы отдавать частями. Ужасно жалко! Веэн отлично знает, что я сейчас один и взять мне негде. Безжалостный человек! Ладно! Не умру. И надо смотреть правде в глаза.

Итак, Веэну пятнадцать рублей… Если бы… Но кончено с этим, не желаю даже думать… Веэну — пятнадцать, плавки — три с полтиной, парикмахерская — два тридцать, кофе с Игорем и Костей — восемьдесят (мог обойтись без кафе, ни одного поэта или артиста я там не увидел), телеграмма маме (сыновний долг!). Обеды вчера, позавчера и позапозавчера, кино с Зоей — рубль, такси с Зоей — еще рубль, на метро ездил, газировку пил, мороженое ел… Черт возьми, придется быть поэкономнее!

Итак, железный бюджет! Утром яйцо всмятку, стакан чая и хлеб с маслом. Чая мама оставила целую коробку, масла тоже здоровый кусище, сахара — пачка, соли — вагон… Куплю сразу десяток яиц — на все десять дней. В обед тарелка супа, ужин отдай врагу… В тридцать копеек можно уложиться. Трешка у меня остается — схожу с Зоей три раза в кино. Конечно, никаких такси. Интересно, почему Зоя так любит такси?

Я тут же отправился в магазин, купил десяток яиц и увидел там пакетики с супом. Разведешь такой пакетик в кипятке и получаешь две тарелки супа. Красота! И не надо ходить в столовую. Я купил пять пакетиков — десять обедов есть! Потом купил пять плавленых сырков — десять ужинов есть! Я обеспечен сдой до самого маминого приезда.

Угроза голодной смерти перестала висеть надо мной. Я свободно могу тратить оставшуюся трешку. А когда истрачу, скажу Зое: «Остался без копейки, погуляем так». Она хороший товарищ, я в этом убедился еще в лесу, она поймет. Даже сделаю так: пойду сейчас к Зое и скажу: «У меня трешка, давай прокутим, а там будет видно». Это по-мужски. Черт с ними, с деньгами! Просажу трешку и перестану думать об этом. Тратить так тратить! Долой приобретателей, скопидомов, деляг и жмотов! Долой банду рвачей и выжиг! Молодец я — кинул Игорю пятнадцать ре, показал свое моральное и прочее превосходство. И эту трешку просажу сегодня же.

Однако в этот вечер мне не удалось просадить трешку.

Во-первых, в магазине околачивался Шмаков Петр. Во-вторых, висело объявление — сегодня в заводском саду вечер торговой молодежи. Все продавцы и продавщицы магазина спортивных товаров идут туда. Будет диспут, и будут танцы. И Зоя будет. Мы со Шмаковым Петром тоже решили пойти.

23

Мне понравилось, что не было президиума. Собрание вел один парень, он назвался Володей; вел, между прочим, с блеском, ловко и организованно провернул эту работенку. И главное, сидел не в президиуме, а в зале. Иногда вставал, оборачивался и был хорошо всем виден. Безусловно, он действовал по заранее разработанному плану: сценарий был дай бог! Но орава собралась человек триста, попробуй поруководи ими из зала! Надо приложить мозги, — это не колокольчиком позванивать из президиума.

Выступавшие тоже говорили с места. Никакой казенщины, свободная, непринужденная обстановка. Приходилось, правда, вертеть башкой во все стороны, но

это лучше, чем глядеть истуканом на сцену, где какой-нибудь зануда долдонит по бумажке свою тягомотину.

Только двое вылезли на трибуну: Сизов и Коротков. Они живут в нашем доме и работают на инструментальной базе — есть у нас на улице такая оптовая база Главинструмента. Обыкновенные ребята, поотпустили длинные волосы. Володя — парень, что вел диспут, — спросил, для чего им длинные волосы. Коротков и Сизов вылезли на трибуну и маячили там целых полчаса. Им было приятно торчать на виду у всех. Топтались на трибуне и бубнили.

— Дело идет к зиме, — бубнил Сизов.

— К зиме идет дело, — повторял за ним Коротков.

Ничего больше они сказать не могли. Стояли в своих толстых пиджаках и узких брючках, длинноволосые, смешные, и долдонили: «Тем более дело идет к зиме. К зиме идет дело». Мол, наступают холода, и надо отращивать волосы. На дворе июль, жара смертная, а они стоят на трибуне и бубнят: «Дело идет к зиме». Диспут уже перешел на другую тему, а Сизов и Коротков все топтались на трибуне, пока ребята, сидевшие в первом ряду, не схватили их за ноги и не сволокли со сцены.

Диспут шел организованно.

Продавщица Рая, та самая, что ездила с нами на пикник, сказала:

— Отращивает бороду тот, кто ничем другим не может отличиться.

Ей возражал матрос в тельняшке и черной куртке. Я часто встречаю на собраниях и диспутах таких вот, неизвестно откуда взявшихся матросов. Они вворачивают мудреные словечки, говорят «у нас на флоте» и произносят «компас» вместо «компас». Но сегодняшний матросик напирал больше на предков и на исконные традиции.

— Маркс, Энгельс, Калинин, Дзержинский, академик Курчатов — все носили бороды, — говорил матрос. — Борода — это характерная черта русского человека. Кто нам дал бороду? Природа! А все, что дала нам природа, прекрасно! И, кроме того, я лично за широкие брюки — человек в широких брюках имеет молодцеватый вид, ребята в широких брюках выглядят устойчивыми людьми, твердого характера. Иван Поддубный носил брюки клеш и не имел себе равного борца в мире…

И понес такую околесицу, что Володя попросил его дать высказаться и другим. Но матрос еще долго не унимался. Из угла, где он сидел, весь вечер доносился глухой шум — матрос спорил с соседями.

Тут высовывается девушка в очках:

— Зачем сугубо частным бородам придавать государственное значение? Надо бороться не с бородами, а с обладателями мелких душонок и мещанских взглядов.

— С хулиганами надо бороться! — закричали все.

Стали выяснять причины хулиганства и предлагать меры. Одни предлагали перевоспитывать хулиганов, другие — сажать в тюрьму, третьи — и то и другое: и перевоспитывать, и сажать в тюрьму. Матрос предложил даже расстреливать. Не всех, правда, а бандитов и рецидивистов.

— Фашистскую Германию мы победили, — сказал матрос, — хулиганов и бандитов победить не можем. Парадокс.

Один парень, рабочий склада, сказал:

— Все дело в пьянстве. Выпьет мозгляк на три копейки, идет по улице, куражится, всех задевает. А набить ему морду нельзя — тебя же привлекут за хулиганство.

Это он точно подметил. Как-то один сукин сын привязался к чистильщику ботинок на нашей улице, потребовал, чтобы тот почистил ему ботинки, а сам на ногах не стоит.

Чистильщик ему говорит: «Иди домой, проспись», а он в ответ: «Армяшка!» Мы со Шмаковым Петром оттерли этого расиста от ларька и взяли его в коробочку. Так это у нас называется взять в коробочку: стиснуть с обеих сторон и надавить под ребра. Очень удобная штука. Но у этого типа пошла носом кровь. Какая-то тетка заорала, что мы убиваем человека. Моментально собралась толпа и явился милиционер. Когда пьяный субчик дебоширил, никого не было, а тут все сбежались. Мы каким-то чудом выкрутились из этой истории.

Опять встает девица в очках:

— Я согласна с предыдущим оратором: все начинается с водки. И надо подумать, почему некоторые ребята чрезмерно пьют.

Я сказал сидевшему рядом Шмакову Петру:

— Если бы каждый гражданин Советского Союза имел автомобиль или даже мотоцикл, то никакого пьянства бы не было.

Шмаков скосился на меня:

— Почему?

— В нетрезвом виде нельзя управлять машиной.

— Это не решение проблемы, — ответил Шмаков. — Пока мы построим заводы, пьянство будет продолжаться.

— Построить автомобильные заводы — не такая уж проблема в наш век.

— А ты выступи и скажи. Выступи, выступи.

— Зачем мне выступать?

— Тогда не звони!

Надо бы, конечно, выступить, но я не умею выступать на собраниях — теряюсь, обстановка на меня действует, что ли… Если бы здесь не было Зои, я бы, возможно, выступил, а при Зое не хочу.

Речь между тем шла о вкусе.

— Вкус — это способность к пониманию и сознательному суждению о прекрасном, — сказал Володя.

Сам он это сформулировал или прочитал где-нибудь? Все равно здорово! Не так-то просто запомнить такие формулировочки!

Железно он подвел к такому выводу. Начали с бороды, а перешли к серьезным вопросам. Большое искусство — вести собрание. Почему на школьных диспутах скучища? Боятся, что ребята скажут лишнее. А когда боишься сказать лишнее, не скажешь и главного.

Поднимается человек пенсионного возраста. Такие старички появляются на молодежных собраниях еще чаще, чем матросы.

— Мы стремимся к зажиточной жизни, — сказал старичок. — Почему же наша молодежь должна носить узкое да короткое? Это у первобытных людей не хватало материала, а у нас текстильная промышленность идет вперед. Зачем нам перенимать у Запада их беретики? И что плохого в мраморных слониках? Пусть стоят себе как олицетворение нашего благосостояния. Нам есть чем гордиться.

Ну вот! Шел разговор о серьезных вещах, а старичок опять о барахле. Тут уж я не вытерпел:

— Мы должны гордиться не мраморными слониками, а спутниками, космонавтами, нашими талантливыми молодыми поэтами и художниками.

Мне даже захлопали, честное слово!

Ободренный успехом, я добавил:

— Что касается беретов, то берет может сидеть на пустой голове с таким же успехом, что и шляпа.

Я уже было хотел сказать об автомобиле как о могучем средстве против пьянства, но старичок вскакивает багровый, злой и кричит:

— Разве так воспитывают молодежь?!

И показывает на свою голову. А на голове у него шляпа.

— Оратор имел в виду шляпу как головной убор вообще, а не чей-либо конкретно, — сказал Володя и, чтобы замять инцидент, предоставил слово высокой девушке в свитере.

— Я работаю товароведом, — сказала девушка в свитере, — и хочу сказать: истинная красота человека не в одежде, а в духовном мире. Мы много говорим об одежде и мало об идеалах. А идеалы — это главное.

Диспут принял наконец правильное направление. Я уже подумывал, что бы такое сказать об идеалах. В это время Зоя обернулась, я тоже обернулся и увидел верзилу — Зоиного брата. Зоя тут же встала и ушла. Не говоря ни слова. Даже не попрощалась. Обидно. Ведь я пошел на собрание торговых работников только из-за нее, надеялся с ней потанцевать. А она, не говоря ни слова, встала и ушла.

24

Утром я позавтракал (одним яйцом) и поехал в читальню. Пришлось тщательно просмотреть комплекты газет за целый год — я не знал ни числа, ни места, ни названия статьи, ни фамилии автора.

Через три часа я добрался только до июня. Если статья о Мавродаки опубликована, скажем, в декабре, мне придется сидеть до вечера. А я позавтракал одним яйцом. Хотелось жевать. Сходить в буфет — значило нарушить свой железный бюджет, съездить домой — потерять кучу времени. Я выбрал первое и пошел в буфет.

Утолив голод винегретом и двумя стаканами чая, я вернулся в зал. И сразу, в первом же июльском номере, нашел статью о Мавродаки. Такая же ругательная, как и другие, — здорово долбали в то время! Оказывается, Мавродаки возвеличивал искусство самураев, возвеличивал самих самураев и вообще феодалов. Чем именно возвеличивал, я не понял, но было написано, что возвеличивал. И не просто возвеличивал, а всю жизнь только тем и занимался, что возвеличивал. И никакой пользы науке не принес. Так прямо и было написано — «псевдоученый». И неблаговидными поступками порочил честь советского человека. Что за поступки, опять же сказано не было. В общем, статья начисто зачеркивала Мавродаки и как ученого и как советского человека. Была она подписана И. Максимовым. Какой-нибудь тип вроде того, что оплевал меня из окна вагона. Даже назвал Мавродаки подонком. Назови меня кто-нибудь подонком, я бы дал по роже и был бы нрав, между прочим.

Я мог бы вырезать эту статью, но если все начнут вырезать нужные им статьи, то от газет останутся одни названия. На ее переписку у меня ушло еще часа полтора.

Возвращаясь из читальни, я увидел возле нашего дома афишу о лично-командном первенстве но боксу среди юношей и подумал, что в них будет участвовать и Костя. И когда Костя позвонил мне и сказал, что едет на соревнование, я этому не удивился. Я удивился тому, что он предложил поехать с ним. Мне казалось, что после ссоры в кафе Костя не будет встречаться со мной. А он сам позвонил и позвал на соревнования. Я обрадовался его звонку — лично с ним я не желал ссориться.

И мы поехали с Костей на Ленинградский проспект, в клуб «Крылья Советов».

Костя провел меня без билета. Я не люблю проходить без билета, я всегда попадаюсь. И когда тебя выводят из зала, это выглядит довольно унизительно, все смотрят на тебя, как на жулика. Но, с другой стороны, глупо брать билет, когда в зале полно свободных мест. И Костя, как участник соревнования, имеет моральное право провести хотя бы одного человека.

Народу в зале было немного. И то, как мне показалось, не настоящие зрители, а разного рода спортивные деятели. Все носило деловой и будничный характер, без азарта, который должен быть на соревнованиях. Звучал гонг, боксеры двигались по рингу, рефери собирал записочки и передавал их судьям, судьи переговаривались между собой и не смотрели на боксеров, секунданты лениво обмахивали полотенцами своих подопечных, что-то им внушали, а подопечные сидели развалясь, тяжело дышали и делали вид, будто слушают своих секундантов. Одни боксеры дрались лучше, другие хуже, но ничего значительного за этим не стояло. Я вспомнил «Мексиканца» Джека Лондона и подумал, что бой мексиканца с красавчиком Дэнни так волновал потому, что мексиканец дрался за идею, его борьба была одухотворенной, очеловеченной, он бился во имя Свободы и потому победил. А здесь было всего-навсего соревнование силы, ловкости, опыта, и больше ничего, ничего великого.

Кто-то сел рядом со мной. Я оглянулся. Это был отчим Кости. Он тоже смотрел на меня, вспоминая, где меня видел. Потом вспомнил и улыбнулся:

— Пришел посмотреть?

— Мы с Костей пришли.

Он еще раз улыбнулся, как мне показалось, несколько смущенно, даже растерянно, отвернулся и стал смотреть на ринг. И как в прошлый раз, он мне очень понравился. Добрый человек — сразу видно.

Объявили фамилию Кости. Он пролез под канатами и очутился в своем углу. Следом за ним появился и его противник.

Костя дрался уверенно. Он левша, стоит в правосторонней стойке, а это всегда опасно для противника: у него сильный удар и правой и левой. Противник был выше. И все равно Костя уже в первом раунде послал его в нокдаун и во втором раунде послал в нокдаун. Рефери прекратил бой и присудил Косте победу ввиду явного преимущества.

Отчим Кости повернулся ко мне:

— Молодец он все-таки!

У него было счастливое лицо. Приятно смотреть на человека, радующегося успеху другого.

— Понимаешь, — сказал он, — Костя не любит, когда мы, его родители, приходим на соревнования. Многие боксеры этого не любят. Я не хотел, чтобы Костя знал…

— Не беспокойтесь, — ответил я.

— Ну, спасибо. — Он потрепал меня по плечу и быстро ушел — не хотел встречаться с Костей.

Конечно, мой отец не пришел бы тайком смотреть на меня, он пришел бы открыто. И если бы я дрался так здорово, как Костя, я бы сам позвал на соревнования моих стариков — пусть посмотрят. И дерись я так здорово, как Костя, я бы прямо сейчас, не сходя с места, надавал бы Косте плюх. Так мне было жаль Костиного отчима. Он любит Костю, а Костя заставляет его унижаться. Хам!

Подошел Костя, и мы с ним досмотрели соревнования. Стало немного интереснее — на ринг вышли тяжеловесы, а в тяжелом весе ударят так ударят. Костя сказал, что

сегодня только четверть финала. А когда будет финал, зал будет битком набит.

Мы вышли из клуба.

— Дойдем до Белорусского, а там доедем на метро, — предложил Костя.

Бульвар тянулся посередине Ленинградского проспекта.

— Что у тебя произошло с Веэном? — спросил Костя.

Начинается! Опять надо изворачиваться. Мы говорили с Веэном о Мавродаки, а о нем Костя запретил говорить. По-видимому, Веэн уже передал ему наш разговор. Ну и черт с ними! Надоело, честное слово, тайны, секреты — невыносимо!

— Он просил тебя обменять нэцкэ?

Ах так, разговор о нэцкэ. Значит, Веэн не передал ему нашего разговора о Мавродаки. Странно! Почему?

— Да, просил.

— Он предлагал тебе взамен хорошую нэцкэ?

— Я не имею права менять.

— Чья она?

— Художника Краснухина.

— Тебе какая разница?

— Не желаю иметь дела с Веэном.

— А со мной?

— С тобой — пожалуйста.

Костя вынул из чемодана нэцкэ. Она изображала всадника с мечом, луком и стрелами в крошечном колчане. Удивительное в этой фигурке было то, что всадник еще не падал с коня, даже не соскальзывал, не склонялся на его гриву, и все равно было ясно, что он ранен и сейчас упадет. В фигурке было какое-то неуловимое движение, был последний скачок коня, после которого и конь и всадник рухнут на землю.

— Эта нэцкэ лучше твоей стрекозы.

— Ты ее меняешь для Веэна?

— Какая тебе разница!

— Веэну я ее не отдам. Если ты так о нем заботишься, почему ты не отдаешь ему своего мальчика с книгой? Веэн разыскивает ее по всей Москве, а она у тебя. Хоть пожалел бы его труды.

— Не твое дело!

— Ах, не мое?! Тогда не вмешивайся и в мои дела. Нэцкэ я не отдам. Кончен разговор.

— Разговор далеко не кончен, — процедил сквозь зубы Костя.

Опять угрозы… Смешно, ей-богу! Думают, что я их боюсь, дурачки, честное слово! Идиотики!

Я остановился.

— Вот что, Костя! Угрозы и запугивания оставь для кого-нибудь другого — я уже тебе это говорил и повторяю опять. Твой Веэн прохвост, вот кто он такой, и ты в этом когда-нибудь убедишься, смотри, чтобы не было слишком поздно. А я не желаю. Вы изолгались и изоврались, а я не желаю. Твой отчим добрый, порядочный человек, а ты ему хамишь. Веэн прохвост — ты ему лучший друг. Ну и пожалуйста, с богом!

— Не касайся этого! — закричал Костя.

— Мне нельзя касаться твоих дел, а тебе моих можно? Так не пойдет.

— Мои дела — это мои дела, а твои — наши общие, мы их делали вместе.

— Делали, а теперь не будем. Тебе надо заработать у Веэна, а мне не надо. Дешево

ты продаешься. Прохвост Веэн тебе дороже человека, который тебя воспитал. Я только что видел твоего отчима.

Костя поднял на меня глаза.

— Где ты его видел?

— В клубе. Он был рад и счастлив тому, что ты выиграл бой. А ты вынуждаешь его приходить тайком. Он просил меня не говорить тебе, что я его видел, — вот как ты заставляешь его унижаться. А что он сделал тебе плохого? Ты мучаешь своих родных из-за кого? Из-за прохвоста Веэна? А кто тебе Веэн? Ведь не отдаешь ты ему мальчика с книгой, все понимаешь!

Эта догадка пришла мне в голову неожиданно.

Костя молчал. Я попал в самую точку. Надо развивать успех.

— Не воображай, что все такие дураки. Если людям запрещают говорить, то они не перестают думать. Ты не позволяешь произносить одно имя, но ты не можешь запретить догадываться… Я не знаю, как попала к тебе лучшая нэцкэ этого человека, но я знаю, за чьей коллекцией гоняется Веэн. И ты это знаешь. И ты знаешь, что такое Веэн. Коварный, вероломный человек, всех путает, всех ссорит между собой, всех обманывает и тебя обманывает, ты еще убедишься в этом.

Костино лицо выражало страдание. То, о чем мы говорили, было главным, самым важным в его жизни. И надо говорить только об этом, больше ни о чем. И я сказал:

— Краснухин хорошо знал Мавродаки. Пойдем к нему?

25

Я в третий раз у Краснухина, но у меня ощущение, будто я хожу сюда всю жизнь, так здесь все знакомо, привычно, хорошо. Тесно, нагромождено, пахнет кухней. Галя и Саша прыгают на диване, звонит телефон. Краснухин басит в трубку, нет ни дорогих картин, ни старинной мебели, как у Веэна, ни изящных безделушек, и все же именно здесь живет и работает настоящий человек искусства.

В лице Краснухина не было озабоченности, как в прошлый раз, он был спокоен, безмятежен, видимо, все устроилось, все обошлось, он объяснился, и больше объясняться пока не надо. На Краснухине был темно-синий костюм и белая рубашка с галстуком. Костюм был старенький, потертый, заношенный, сидел мешком, и все же Краснухин выглядел в нем очень представительным — крупный, сильный, красивый мужчина.

Чувствовался подъем, праздник, что ли, какой-то. Из кухни пахло не треской и не молоком, а чем-то вкусным, аппетитным, жареным мясом как будто… Жена Краснухина была озабочена не как в прошлый раз, а оживленно, как хозяйка, ждущая гостей.

— Я сегодня при деньгах, — сказал Краснухин кому-то по телефону, — давай подгребай.

Из дальнейшего разговора я понял, что Краснухин выполнил срочный заказ, оформил, проиллюстрировал книгу в издательстве и по этому поводу созывает гостей.

В общем, пришла удача, особенно ощутимая в доме, где удачи бывают не часто.

И я был этому рад — должны же быть удачи и у непризнанного художника, черт побери!

Несколько минут Краснухин не сводил с Кости своих громадных глазищ. На меня он так не смотрел ни в прошлый раз, ни в позапрошлый, а на Костю смотрел особенно, я

бы сказал — потрясенно: понял, кого я привел с собой. Самое правильное — оставить их вдвоем. Я встал.

— Пойду, пожалуй, а ты, Костя, посиди.

Недоуменный взгляд Кости показал, что он не оценил моего дипломатического хода.

Тогда я сказал Краснухину:

— Евгений Алексеевич, это мой товарищ, Костя. Вы не расскажете ему о профессоре Мавродаки?

Краснухин еще раз посмотрел на Костю, повращал глазами, потом долго рылся в бумагах, развязывал и завязывал тесемки на папках, перебирал карточки и рисунки и наконец нашел то, что искал, — большую групповую фотографию.

— Наш выпуск.

Тонко очиненным карандашом он показал на небольшого черненького, улыбающегося человека в центре группы. Это был Мавродаки… И я поразился его сходству с Костей.

Костя так и впился глазами в фотографию.

Я не хотел ему мешать и отошел в сторону, рассматривая висящие на стене гипсовые слепки рук.

Краснухин тоже делал вид, что не обращает внимания на Костю, ходил по мастерской, чего-то перебирал, переставлял, выходил на кухню, разговаривал с женой, снова возвращался. Было видно, что он не умеет не работать, не привык отдыхать, не привык к темно-синему костюму, неважно чувствует себя в белой рубашке и галстуке.

— Вы можете мне ее дать? — спросил Костя про фотографию.

— Насовсем — нет, переснять — пожалуйста.

— Это Владимир Николаевич? — спросил вдруг Костя.

Краснухин наклонился к фотографии.

— Да, по-видимому… Он был тогда в аспирантуре.

Это новость! Веэн еще в то время лично знал Мавродаки. Почему же он ничего мне об этом не сказал?

— Вам не знакома такая фамилия — Максимов? — спросил я.

— Кто такой Максимов?

— Критик, наверно.

— Держусь от них подальше.

— Говорят, Владимир Николаевич прокатился по вашему адресу?

— Было дело.

— А что он писал?

— Тебя это интересует?

— Интересует.

Он кивнул на лежащую в углу кучу журналов:

— Поищи третий номер за прошлый год.

Найти журнал тоже оказалось не так просто. Я поразился беспечности Краснухина. О нем написана статья, а он ее засунул сам не знает куда.

Я нашел журнал не в той куче бумаг, которую показал мне Краснухин, а совсем в другом углу, за токарным станком.

В статье было написано, что творчество Краснухина не самостоятельно и не находится в главном русле. Потом следовала фраза: «Искусство принадлежит тому, кто несет его народу». Правильная мысль! Но ведь мне Веэн говорил другое: «Искусство

принадлежит тому, кто его любит, понимает и отстаивает». Как-то раз он даже сказал: «Приходя на выставку, я чувствую себя обокраденным». Он хочет, чтобы искусство принадлежало ему одному, хочет набить им свои шкафы и полки. Дело даже не в том, что он думает одно, а пишет другое. Веэн прохвост, это мне известно. Дело в том, что в статье Максимова тоже трактовался этот вопрос. Я разыскал это место, вот оно: «Искусство не принадлежит тому, кто им занимается. Оно прежде всего орудие…» Мысли разные, но высказывал их один человек, это ясно, один и тот же беспринципный человек. В статье Максимова было больше ругательств, в статье Веэна — меньше, но писал их один человек, это точно.

— Вы дадите мне на пару дней журнал? — спросил я.

— Гм… А с чем я останусь?.. Впрочем, только верни…

Поразительный человек! Ни в чем не может отказать.

— Через два дня журнал будет у вас.

Краснухин достал из шкафа нэцкэ — круглую лакированную пуговицу с изображением цветка на высоком, тонком стебле. Цветок тянулся к солнцу, прекрасный, молодой, гибкий, излучающий радость и торжество жизни. Кругом был мир и зелень, за горизонтом пылало солнце, а цветок стоял один, гордый, сильный, чуть наклоненный в своем стремительном порыве.

Несколько минут Краснухин молча любовался пуговицей, потом сказал:

— Что прекрасно в этой нэцкэ? Прекрасно доброе чувство, которое двигало ее создателем, сознание, что и сотни лет назад люди радовались прекрасному и доброму. Я бы так и оценивал произведения искусства: по степени доброго чувства, которое они вызывают.

— Это верно, — заметил я. — Еще Пушкин сказал: «Чувства добрые я лирой пробуждал…»

Краснухин повращал на меня глазами, но ничего не ответил. А чего отвечать? Лучше Пушкина не скажешь!

Краснухин положил нэцкэ в коробочку и протянул Косте:

— Возьми, это из коллекции твоего отца.

26

Мы вышли с Костей от Краснухина.

— Краснухин — человек, — сказал я.

Костя молчал.

— А Веэн написал про него подлую статью, — продолжал я.

Костя молчал.

— Хороший человек не напишет подлую статью, — заключил я.

Костя молчал.

— Ты знаешь, как умер твой отец?

Его лицо потемнело.

— Знаю.

— А почему он это сделал, знаешь?

— Моя мать ушла к другому человеку.

— Кто тебе сказал?

— Это не имеет значения.

— Тот, кто тебе это сказал, — лгун и обманщик.

— Молчи, ты ничего не знаешь!

— Ты молчи! Я знаю больше тебя, сейчас ты в этом убедишься. Давай присядем.

Мы присели на скамейку. Я протянул Косте статью Максимова. Он прочитал ее. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Сильный парень, ничего не скажешь.

— Тебе все ясно? — спросил я.

— Зачем они скрывали от меня? — проговорил Костя.

— Как ты можешь это говорить! Ты не знаешь всех обстоятельств, ты ни разу не говорил с матерью. Как ты можешь ее осуждать! Ты вообще не можешь ее осуждать — она тебе мать.

— Я никого не осуждаю, — возразил Костя, — но не хочу с ними жить и не буду.

Он произнес это со своим обычным упрямством. Убеждение его было поколеблено статьей, но он травмирован неправдой, в которой вырос, никому и ничему не верит. Ужасно жаль этого парня, но как его переубедить?

— Куда девалась коллекция?

— Не знаю.

— Ты поговоришь с матерью?

Он молчал.

— Ты поговоришь с матерью?

— Подумаю.

…Во дворе, у магазина спорттоваров, девушки разгружали фургон. Их развлекал Шмаков Петр. Нес какую-то чепуху, а они смеялись. Какую бы ересь ни порол Шмаков Петр, девчонки всегда хохочут. Несут футбольные мячи, а он: «Забьем голешник»… Все хохочут. А что смешного? Тащат теннисные ракетки, а Шмаков: «Полетим на этой ракете на Луну». Глупо? Глупо! А все смеются.

— Что делаем после работы? — развязно спросил Шмаков у Зои.

— А что вы предлагаете? — в тон ему бойко ответила Зоя.

— Есть дивные пластинки у меня, свободная квартирка у Кроша.

Я не против того, чтобы собраться. Но мог бы сначала спросить: располагаю я свободным временем или нет?

Кроме электропроигрывателя, Шмаков притащил коробку с новыми пластинками. На мой вопрос, где он их достал, ответил:

— Где достал, там уже нету.

Любит порисоваться, особенно перед девчонками. И командовать любит. И пожрать.

— Девушки, наверно, голодны. Жарь яичницу, Крош!

— Я сама пожарю, — сказала Зоя.

Светлана и Рая мыли посуду, Зоя жарила яичницу, я накрывал на стол. Шмаков менял пластинки на проигрывателе.

Все получилось очень весело и мило, не хуже, чем на пикнике. Мы съели яичницу из восьми яиц (два я съел раньше), рубанули все плавленые сырки. Шмаков еще потребовал, чтобы я сварил суп изо всех пакетиков, но я предложил сделать это ему самому, и он отказался.

Потом мы смотрели по телевизору соревнования по художественной гимнастике. Соревнования понравились девочкам — они сказали, что в их магазине недавно продавались такие же костюмы, какие были на гимнастках.

Я предложил всей компании поехать завтра в Химки, на пляж.

— Завтра не могу, — загадочно улыбаясь, ответила Зоя.

— Ведь завтра понедельник — в магазине выходной.

— Потому и не могу, что выходной.

Девчонки захихикали, стали подмигивать друг другу, точно у них была бог весть какая тайна.

— Вы чего? — недоуменно спросил я.

Они продолжали перемигиваться и хихикать, не обращая внимания на мой вопрос, игнорируя мое недоумение, на что-то намекали, просили Зою чего-то там купить. Они до того дохихикались, доперемигивались и доигнорировались, что в конце концов проболтались: завтра Зоя едет в магазин для новобрачных. Как торговый работник? В порядке обмена опытом? Ничего подобного! Зоя едет в магазин для новобрачных как новобрачная. Она собирается выйти замуж. Черт возьми! И за кого? За верзилу, которого я хотел считать ее братом.

— Это правда? — спросил я Зою с полным достоинством.

— Это правда, — ответила Зоя тоже с полным достоинством и со своей проклятой улыбкой.

Шмаков Петр смотрел на меня. Еще ухмыляется, остолоп! Мне что! Я не влюблен в Зою, как он. Его девушка выходит замуж, а он ухмыляется.

— Не огорчайся, Крош! — рассмеялась Рая. — Мы тебе найдем другую невесту.

Дуры, как разговаривают со мной!

— Для меня это не новость, — сказал я. — Жених — шофер такси.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Зоя.

— Видел, как он к магазину подъезжал, — заметил Шмаков, завидуя моей проницательности.

— Я все знаю. Я так много знаю, что мне уже неинтересно жить.

Я повторил выпендрючку Игоря. Но здесь она годилась: главное было — сохранить достоинство. А догадаться, кто приучил Зою раскатываться на такси, было нетрудно.

Непонятно только, зачем она тогда, в лесу, разрешила себя поцеловать. Таковы они!

27

Не так уж я любил Зою. Конечно, приятная девчонка. Но если бы, допустим, мы плыли на пароходе — я, Зоя и Майка — и пароход стал бы тонуть, я еще не знаю, на помощь кому бы я бросился в первую очередь: на помощь Майке или на помощь Зое? По-видимому, сначала Майке. А уж вытащив Майку, кинулся бы за Зоей. Не исключено, что за это время Зоя пошла бы ко дну. Но не думаю — она крепкая девчонка и полная. А полные, как известно, лучше держатся на воде и не так быстро тонут.

Если разобраться, то любви у нее ко мне не было, так, дурака валяла. Недаром меня насторожила ее улыбка, насмешливая, поощрительная, с примесью любопытства и с оттенком сомнения, — улыбочка Елизаветы Степановны, черт бы побрал эту улыбочку! В сущности, это улыбка поверхностных, неглубоких натур. У Майки не бывает такой улыбки. Майка никогда не ставит себя в двусмысленное положение. Как она отбрила слесаря Лагутина, когда мы проходили производственную практику на автобазе! И с Майкой есть о чем разговаривать, бывают иногда разногласия, но это

естественно — люди не могут думать одинаково. А с Зоей я решительно не знаю, о чем говорить, мы не понимаем друг друга. Шмакова Петра она понимает, а меня никак. Анекдот про английских лордов и тот не поняла. И не слишком интересно ухаживать за девчонкой, которая улыбается всем без разбора.

Я, конечно, утешал себя. Что там ни говори, обидно. То, что она дала повод Веэну, — могло получиться случайно. Но зачем она дала повод мне? Улыбалась, позволила поцеловать, ходила в кино. Легкомысленная девчонка! Верзила совершает большую ошибку, женясь на ней.

Даже если они разыграли меня, все кончено. Кончено с Зоей. Но они не разыгрывали. Достаточно вспомнить, как они обсуждали, что будут покупать в своем пошлом салоне для новобрачных!

И все же было обидно. На душе скребли кошки. Богатое событиями лето: я узнал, как бегают по спине мурашки и как на душе скребут кошки. Или, как говорят наши наставники, у меня прибавилось жизненного опыта. Стало ли мне от этого лучше — не знаю.

Я заставил себя не думать о Зое. Весь следующий день ждал звонка Кости. Не выходил из дому, опасался, что он позвонит без меня. Питался супом из пакетиков, но из дому не выходил. Порубал три пакетика.

Костя не позвонил, и я отправился к нему сам.

Дверь мне открыла худенькая женщина с грустными глазами — мать Кости. Она сказала, что Костя у себя. Через большую комнату, где играла на рояле Костина сестра, я прошел в лоджию.

Костя лежал на раскладушке и читал. Он скосил на меня глаза, но не положил книгу.

— Чего не звонишь?

— Занят был.

Я кивнул в сторону большой комнаты.

— Говорил?

— Да.

— Ну и что?

— Все получилось из-за статьи.

— Все ясно, теперь сравни. — Я протянул ему журнал со статьей Веэна, туда была вложена и переписанная мной статья Максимова.

Больше мне нечего было говорить. Костя достаточно умен, чтобы во всем разобраться.

— Мама вышла за отчима через несколько лет после того, как все это случилось, — сказал Костя. — И отчим меня усыновил. Они не хотели, чтобы я знал, как умер мой отец, боялись меня огорчить, что ли, и потому скрывали от меня правду.

— Ну что ж, — сказал я, — самое время подвести итоги.

— Я это сделаю сам, — сказал Костя.

— Мы это сделаем вместе, — ответил я.

28

…Веэн встретил нас настороженно. Не ожидал, что я приду снова, да еще с Костей.

Костя поставил на стол фигурку мальчика с книгой.

— Откуда она у тебя? — спросил Веэн спокойно.

— Она всегда была у меня.

— Понятно.

За его спокойствием угадывалась тревога.

— Я читал вашу статью о Краснухине, она мне не понравилась, — сказал Костя.

— Мне она тоже не слишком нравится, — ответил Веэн, — но напиши ее другой, она была бы еще хуже.

Уж слишком издалека начинает Костя. Так мы никогда не доберемся до сути. Я спросил напрямик:

— Вы знали такого — Максимова?

— Что за Максимов?

— В сорок восьмом году он написал статью о Костином отце.

Передо мной мелькнул знакомый мне уже мгновенный, колючий и вместе с тем жалкий и обреченный взгляд.

— Да, такая статья была, я помню.

— Максимов бесчестный человек, — сказал Костя.

— Ты встречал абсолютно честных людей? Где? Назови! — сощурился Веэн.

Костя посмотрел на меня. Веэн перехватил его взгляд и пренебрежительно поморщился:

— Крош бесплодный фантазер и мечтатель. А тебе предстоит жизнь. В мире, где слабый падает под ударами судьбы. Тебя не обманет только твоя независимость — я тебе ее дам.

Меня поразила страсть, с которой говорил Веэн. Он любит Костю, это точно. Его неподдельная искренность поколебала даже меня. Я снова почувствовал в себе раздвоение личности. Надо взять себя в руки! Что из того, что он любит Костю? Вотрен тоже любил Люсьена де Рюбампре.

— У меня такое впечатление, — сказал я, — что статью о профессоре Мавродаки и статью о художнике Краснухине писал один человек.

Того, что произошло вслед за этим, я никак не ожидал. Веэн бросился на меня и схватил за грудь. Хорошо, что я сидел, если бы я стоял, то наверняка бы упал — так стремительно бросился он на меня. И если бы Костя не схватил его за руки, он наверняка задушил бы, слово даю!

— Ничтожество! — бормотал Веэн трясущимися губами. — Как ты смеешь! Дрянь!

Вероятно, я немного испугался. Испугаешься, когда здоровый, спортивного вида гражданин хватает тебя за горло. Если разобраться, то произошла отвратительная сцена. Взрослый, как будто интеллигентный человек бросился драться. Вот бы уж никогда не подумал, никогда не ожидал. А мы еще на диспутах рассуждаем о мелком хулиганстве!

Веэн опустился в кресло и закрыл глаза руками. Довольно трагическая поза. Мне даже сделалось как-то неловко. Но Костю эта поза никак не тронула, я видел это по его холодному, бесстрастному лицу. И правильно! Хорошим отношением к Косте Веэн хотел искупить свою вину. Но ведь он хотел сделать Костю таким же проходимцем, каким был сам. Какое же это искупление вины? Это — усугубление вины.

Не отнимая рук от лица, Веэн глухо проговорил:

— Все не так, как ты думаешь, Костя. Со временем ты все поймешь. Но верь только мне! Все, что я делаю, я делаю для тебя, ты это знаешь.

— Максимов — это вы? — холодно спросил Костя.

— Нет! — закричал Веэн, отнимая руки, и я поразился тому, как сразу постарело его лицо. — Максимов — это не я. Максимов — это время…

Потом я сообразил, как мне следовало ответить Веэну: «Плохого времени не бывает, бывают плохие люди». Это было бы сказано! Но поздно думать об этом! Впрочем, если представится случай, я это выскажу.

На улице я хотел обсудить с Костей все, что произошло. Надо было выяснить еще некоторые детали. Но Костя не был настроен разговаривать. Я только спросил:

— Будешь приходить к нам?

— Буду.

Он вынул из кармана нэцкэ — мальчика с книгой — и протянул мне:

— Возьми, может быть, будешь собирать…

— Зачем… Такая дорогая штука. И я не знаю, буду ли я собирать, скорее всего, что не буду. И потом, ведь это…

Я хотел сказать, что ведь эта нэцкэ — память об отце. Но Костя не дал мне договорить:

— У меня есть еще одна, та, что дал Краснухин, — цветок…

— Спасибо, — сказал я. — Так приходи.

— Ладно, — ответил Костя, повернулся и пошел по улице.

Некоторое время я видел его маленькую, но сильную фигурку, потом он смешался с толпой прохожих.

Я представил себе, как он придет домой и будет разговаривать со своей матерью и со своим отчимом. И когда я представил себе отчима, я подумал, что на свете все же хороших людей гораздо больше, чем плохих.

Потом я открыл коробочку и снова рассмотрел нэцкэ — мальчика с книгой, — лучшую нэцкэ из коллекции Мавродаки.

Мальчик пристально вглядывается в даль. Что видят его глаза? Таинственные образы проносятся в детских мечтах подобно песням птиц. Но что мы сделали для того, чтобы королевство фантазии стало рядом с нами навсегда?

Хорошая притча, правда?

Ею я начал, ею и заканчиваю свои записки.

До свидания!

1964—1965 гг. Москва